

1.
Всесоюзная
Библиотека ЕКА
и
В. И. Ленина

XIX $\frac{456}{45}$

**НАША
СТРАНА**

3

1979

ЭКСПЕДИЦИИ И ПУТЕШЕСТВИЯ

ПОЛГОДА В КАРА-КУМАХ

Э. Мурзасев, А. Конопляцев

По границе Туркменской ССР и Ирана проходит длинная горная цепь — Копет-Даг. Широкие улицы небольшого рабочего поселка Кизыл-Арват раскинулись у подножия этих гор. Отсюда, держа курс на север — в Кара-Кумы, — выезжала наша экспедиция. В Кара-Кумах есть пастбища, но там очень мало колодцев с пресной водой. Перед нами была поставлена задача отыскать в пустыне воду.

По сухому руслу Узоя и раньше проходили геологи и географы, но к западу от этих мест лежали огромные пространства, не посещенные никем из ученых. Нам предстояло расшифровать эти «белые пятна» пустыни.

Лето было в разгаре, когда мы на двух полуторатках отправились в путь.

Где-то в двухстах километрах отсюда, в сухом русле теперь уже несуществующей реки Узбой, находится колодец Игды. Мы едем туда.

Через час после выезда из Кизыл-Арвата автомобиль уже на границе равнины, населенной туркменами, — в ауле Кара-Богаз. Короткая остановка, и мы трогаемся в дальнейший путь, в песчаный океан-пустыню Кара-Кумы.

Медленно машина поднимается на первую песчаную грядку. Позади остаются разбросанные юрты аула, а далеко на южном горизонте видны окутанные дымкой горы Копет-Дага. Мгновение — все исчезает: мы перевалили через грядку. Теперь наш кругозор ограничен расстоянием всего в 200–250 метров, от гребня одной грядки до другой.

Проводник, пожилой молчаливый туркмен, сидит на переднем автомобиле и выбирает наиболее удобный путь. Как дирижер, он размахивает руками, указывая дорогу. По ровному месту автомобиль, увязая в песке, все же медленно движется вперед, но каждое малозаметное повышение в рельефе нам приходится брать штурмом. Машина при подъеме начинает буксовать, врезаясь колесами в песок. Мы быстро соскакиваем на раскаленный песок, стаскиваем с кузова специально приготовленные бревна «шалманы» и подкладываем их под задние колеса. С диким ревом грузовик взбирается на эти бревна, проходит по ним, как по рельсам, метра три и... опять увязает в песке. Снова идут в ход шалманы. Так, иногда, бежим рядом с машиной по целому километру.

Но вот трудный участок пути пройден. Останавливаемся — в радиаторах кипит вода. Люди, пробежавшие километровую дистанцию с бревном в руках, под нестерпимо пекущим солнцем, увязая ногами в раскаленном до 70° песке, в изнеможении валяются в тень машины.

Лежим молча, затем встаем и тянем из бочки через трубку, теплую, как парное молоко, воду.

Снова влезает на машины, обжигая руки о металлические части. Незаметно проскакиваем двух-, трех- и даже пятикилометровые твердые и ровные, как паркет, глинистые такыры. Это время нам кажется мгновением, и мы, не успев отдохнуть, на подъеме опять бежим рядом с машиной, подбрасывая под нее шалманы.

В конце второго дня кончается наш трехдневный запас воды. Машины при такой сильной жаре и тяжелом пути испытывали чрезмерную «жажду». В радиаторы влили последнюю влагу, а остатками девять пассажиров прополоскали рты.

— Осталось десять километров, — говорит проводник.

С трудом, часто останавливаясь, преодолеваем еще четыре километра. На каждой остановке все, как один, изнуренные жарой, валимся на песок в тень автомобиля. Глаза смыкаются...

— По машинам, — раздается команда.

Полежать бы еще хоть минуту... Но надо вставать. Трогаемся дальше. Вскоре вода в радиаторах закипает опять и мы снова останавливаемся.

Наконец, спускаемся в сухое русло Узоя. Из радиаторов идет пар. Вода кончилась. Хорошо, что это случилось в пяти, а не в двадцати километрах от колодца.

Добровольцы отправляются за водой к колодцам. Эти последние несколько километров, несмотря на усталость, идем быстро, чуть не бегом, — впереди вода, а вода в пустыне — это жизнь.

Вот и долгожданный колодец.

Все стоят кругом проводника. Он сам достает ведро воды и торжественно разливает эту бодрящую жидкость в пригоршни окружающих его участников экспедиции. Мы жадно глотаем с грязных, невымытых рук прохладную живительную влагу. Лишь утолив первую жажду, мы почувствовали, что вода далеко не так уж хороша: она пахла тухлыми яйцами. Последним наполнил старик-проводник и сразу заторопился обратно к машинам.

— Там тоже люди, хотят пить.

Захватив два ведра воды, идем к машинам.

Наступила теплая звездная черная ночь. Завтра начало исследовательских работ.

К западу от староречья Узоя началась территория, обозначенная на картах белым пятном. Из рассказов мы узнали, что в этих неведомых землях есть 3–4 глубоких колодца. Никто из наших проводников там не был, но один выразил уверенность, что колодцы эти он найдет.

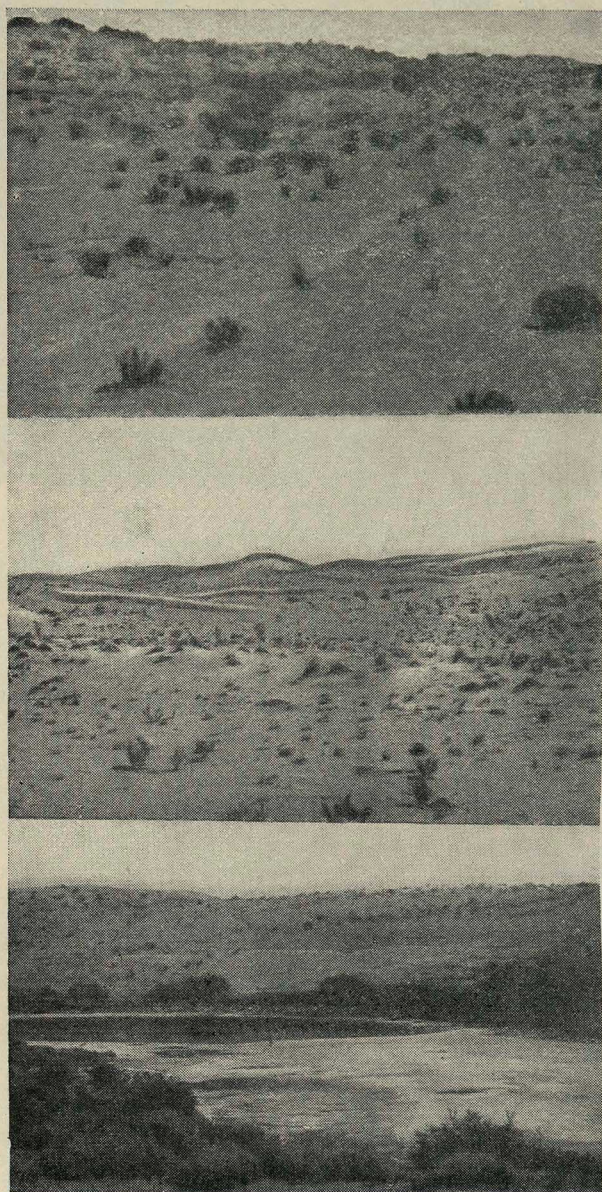

Фото А. Родина

НА ФОТО СВЕРХУ ВНИЗ: По тропе прошел караван верблюдов. Барханные пески. В русле несуществующей ныне реки Узбой кое-где сохранились озера.

Решено было итти в октябре, когда каракумское солнце менее знойно, а ночи прохладны.

Маленький караван, груженный бочками воды, вышел в далекий, неведомый путь.

Глухо постукивал в ящиках груз. Однообразно тянуло какую-то мелодию старый проводник. Невнятно ступали верблюды по мягкой, податливой земле. Тишина. Не слышно ни пения птиц, ни шороха встревоженного нашим появлением животного, ни писка сусликов. Кругом простирается безжизненная пустыня... Тропа заросла, — видимо, несколько лет по ней никто не ходил.

Пересекаем местность, которая называется у туркмен «Челюнг-кыр», то есть плато, лишенная жизни. Куда ни посмотришь — лишь мелкие кустики полыни и солянок. Здесь мы не ждем колодцев, их не может быть. Колодцы будут только в песках. Уж перестало казаться парадоксом утверждение, что песок в пустыне приносит воду. В песках картина резко меняется: раститель-

ность делается богаче и разнообразнее, ландшафт приветливее. Песок, покрытый старым овечьим пометом, и барханные подвижные пески — верные признаки колодца, — здесь жил человек.

Мы посетили колодец Огуз-Кулач, он удивительно глубок. Рулетки нехватает, чтобы измерить его. Опускаем тросик. До воды 48 метров, до дна больше 50. Разве не вызывает восхищения строительное искусство туркмен, которые обыкновенными лопатами смогли вырыть такой глубокий колодец и закрепить его стенки сплошным покровом из ветвей кустарника. Для того, чтобы сплошь покрыть стенки колодца ветвями, потребовалось от пяти до шести тысяч кустарников.

Определить качество воды из колодца оказывается невозможным. Крепкий противный запах протухших яиц так силен, что сразу вызывает рвоту, как только берешь воду в рот. Даже невзыскательные верблюды, давно испытывавшие жажду стояли у колодца и подолгу нюхали зеленую воду, не решаясь ее пить. Их глаза, обычно кроткие и печальные, сейчас зло смотрели на окружающих. То-и-дело раздавался рев, и длинная шея животного стремительно отгибалась в сторону, раскрытая пасть старалась поймать горб или шею соседа. Они долго шлепали губами, фыркали, стряхивая капли воды, оставшейся на мордах, терли свои носы о шерсть, чтобы отстал противный прилипчивый запах тухлых яиц.

Между тем солнце закатилось за ближайшую песчаную гряду. Сразу стало свежо и приятно. День кончился. Быстро и незаметно стемнело; такие короткие сумерки бывают только на юге. В темноте мигал костер. Издали доносился треск кустарников: это наши «корабли пустыни» шли на поиски пищи. Великая тишина и покой окутали лагерь, колодец, людей, пустыню и, казалось, весь мир.

Через лагерь протянулась антенна — в палатке установлена радиоаппаратура. Для исследователя, работающего в тундре, на льдинах Северного полюса, в тайге, в Каракумской пустыне или на высотах Памира, — что может быть радостнее радиоволн, приносящих весточки из далекого и в то же время близкого и дорогого нам мира?

Ночью, чуть в стороне от лагеря, время от времени вспыхивает на момент маленькая электрическая лампочка, пугая окружающую темноту. Чья-то тень маячит, сгибаясь и выпрямляясь, около приборов, определяя астрономические координаты колодца. Звезд на южном черном небе много, и выбор у наблюдателя — огромный. На глазах исчезали на западе одни звезды, а на смену им приходили с востока яркие, большие светила — Сириус и другие.

Под утро показывается гигантская Венера, планета зарождающегося дня. Проводник встает и, поглядывая на небо, будит рабочего, нужно итти собирать далеко ушедших за ночь верблюдов.

Скоро появится солнце, и мы опять будем медленно продвигаться по неведомым заросшим тропам. Четыре километра в час — вот скорость груженого верблюда.

Однообразно тянет какую-то заунывную мелодию сидящий на первом верблюде старый проводник. Не слышно ни пения птиц, ни шума какого-либо встревоженного нашим появлением животного. Не видно никаких следов пребывания человека.

Но не всегда пустыне оставаться такой мертвой, как сейчас. Придет время, и, возможно, очень скоро, когда в тех местах, где медленно передвигался в тишине наш караван, вырастут колхозные фермы скотоводов-туркмен и бляеные неисчислимых овец и верблюдов нарушит тишину. У колодцев появятся аулы, и круглые черные юрты вырастут на сером песке.

Если в ныне сухих пространствах Туркменской республики будет найдено большое количество пресной воды или будет разрешена проблема ее транспортировки, скажем, из Аму-Дарьи, то пустынный ландшафт быстро изменится. Такие примеры освоения пустынь известны в Северной Америке (Южная Калифорния), в Северной Африке, да и у нас, в Средней Азии, сухие, выжженные солнцем равнины под Ташкентом после орошения водами Сыр-Дарьи покрылись цветущими садами и полями. Во многих районах Туркмении, Таджикистана и Узбекистана новые оросительные каналы совершенно изменили местность: там, где была сухая колючка да горькая полынь, сейчас белеют коробочки хлопка.

★

Еще за месяц до октябрьских праздников мы условились со второй партией нашей экспедиции, что встретимся 6 ноября у колодца Екедже. Часть отряда отправилась на автомашинах по Усть-Урту, а затем в город Ташауз за бензином и продуктами; другая часть продолжала странствие по пескам, обследуя колодцы.

Как было условлено, 6 ноября в шесть часов вечера мы подошли к колодцу. Каково же было наше удивление, когда здесь мы никого не обнаружили. Колодец оказался засыпанным.

Уже темно. Вематриваясь в песок, туркмены обнаружили следы больших сапог.

— Это наш начальник был здесь, — заявили они. — Надо искать письмо.

Вскоре, действительно, обнаружили три одинаковых письма, оставленные в разных местах.

«...Мы на Додуре, в 7 километрах на восток. Чистим колодец. Вода соленая и тухлая, пьем с трудом. Ждем» — кратко сообщалось в записке.

Решаем, вопреки требованиям проводника, не любившего ночные передвижения, сразу же отправиться к Додуру.

Через два часа, когда было уже совсем темно, впереди мелькнул огонек костра. Все сразу оживилось. Даже медленно идущие верблюды как-то приободрились и, вытягивая вперед длинные шеи, начали, посапывая, принохиваться. Впереди у костра засуетились темные силуэты, слышались знакомые голоса, и через минуту нам крепко жали руки друзья.

Подойдя к костру, разгружаем верблюдов, устанавливаем палатки. Уже несколько дней, как дует северо-восточный ветер, он принес из далекой Сибири морозы. От холода спасает нас только костер.

Из Ташауза привезены газеты за два месяца, письма, телеграммы. Массу новостей, известий о родной стране и из-за границы принимаем, как праздничные подарки. Сытно поужинав, прячемся в спальные мешки, постепенно теплота и крепкий сон овладевают нами.

— С праздником! — раздается над головой ранним утром. Будит повар, которому не терпится накормить нас по случаю великого праздника туркменскими национальными кушаньями.

Все приняли праздничный вид. Вымылись, вычистились, некоторые даже побрились.

Слушаем по радио Красную площадь, затем читаем привезенные товарищами газеты.

Вечером у большого костра в шубах сидят 28 человек. Восмиградусный мороз, сильный, холодный ветер — и это на широте Стамбула и Неаполя. В это время в Москве и Ленинграде, наверное, моросил дождь и ртутный столбик термометра оканчивался много выше нулевой черты.

— Митинг, посвященный XX годовщине Октябрьской социалистической революции, объявляю открытым, — возглашает профорг отряда,

После выступлений участников экспедиции, впервые в истории Кара-Кумов, у колодца Додур раздаются звуки пролетарского гимна.

Митинг окончен.

Трещат в огне сухие ветви саксаула. Весело играет патефон.

Неожиданно появляется ящик с виноградом. В пустыне начался пир.

Пусть за грядой завывает холодный ветер — он не страшен нам. В котловине у костра хорошо и тепло.

★

Экспедиция заканчивала работы, когда короткие дни стали сменяться морозными ночами. В бочках замерзала вода до самого дна. Утром в них наливали кипяток, чтобы лед растаял. Верблюды страдали от холода, питались мерзлой скудной растительностью. Уставшие от долгой работы, они похудели и ослабли. В радиаторах автомобилей уже не кипела вода, на песках, влажных и подмерзших, машины держались хорошо, колеса не проваливались.

Было радостно кончать трудную работу с сознанием, что задание полностью выполнено. Радостно было мечтать о скором приезде в Ашхабад, Москву, Ленинград. В тиши институтских кабинетов начнется в ближайшем будущем вторая половина работы. Химики будут анализировать привезенные в заботливо упакованных бутылках образцы воды. Петрографы под микроскопом будут изучать состав песков, чертежники — переносить на белые пятна карт колодцы, дороги, рельеф. Радостно подводить итоги работ, в результате которых обследован и географически изучен юго-восточный Усть-Урт, где еще никто из ученых никогда не был, выяснены запасы воды в засушливом приузбойском районе. Оказалось, что здесь имеются большие запасы пресных вод, необходимых для животноводства. На некоторых участках воды достаточно даже для поливного земледелия.

Позади остались тысячи километров извилистого пути, жара и холод, безлюдие и тягучая мелодия проводника. Позади мягкие осенние вечера у костра и бессонные ночи за работой, с маленькой лампочкой в руках. Мимолетные встречи с быстроногой газелью-джейраном да шустрой лисой, вышедшей осенью на охоту за зайцем, — все это позади.

В декабрьский ясный, безоблачный день наши машины и караван подошли к поселку Каракумского серного завода. Сюда ежедневно прилетают большие самолеты с грузами и пассажирами. Обратным рейсом они захватили и нас. Мы сели в закрытую машину, поместившись впереди пилотов, в уютной кабине. Зарычали моторы, и скоро внизу за стеклом появился знакомый ландшафт. Прекрасно были видны ровные такыры и пески, окружающие их, чернели колодцы, караванная тропинка вилась между гряд.

Через час на горизонте показались горы Копет-Дага, через полтора часа самолет кружил над геометрически правильными контурами полей и садов Ашхабадского оазиса и над прямыми улицами города.

Самолет снижался, стремительно мелькали кварталы, площади, бульвары. Скоро мы приземлились на аэродроме.

Через два дня скорый поезд Ашхабад—Москва уносил нас на север. Станции мелькали за окнами. Верблюды шарахались в сторону и с недоумением смотрели на бегущие вагоны. На остановках продавали сушеный урюк, свежий холодный виноград и ароматные дыни, какие растут только в Туркмении и Узбекистане,

НАД ДЕЛЬТОЙ АМУ-ДАРЬИ

А. Доскач

Небольшой островок у южного побережья Аральского моря — Муйнак находится недалеко от устья Аму-Дарьи. Отсюда стартовал наш самолет.

Момент подъема прошел незаметно. Под нами, сколько хватает глаз, расстилается яркая бирюзовая поверхность Арала. Мы летим со скоростью 180 километров в час на высоте почти 1500 метров, а ощущения полета все еще нет. Кажется, что аэроплан повис в воздухе, и под нами, как в калейдоскопе, один за другим сменяются пустынные пейзажи.

Вот уже исчезает огромный Арал, третье по величине озеро мира¹. Мы летим на юг. Мимо проходит извилистая линия аральского берега со множеством островов и бухт. Справа ясно виден чинк — обрывистый край плато Усть-Урта, ограничивающего с запада Аральское море. Высота чинка достигает местами до 140 метров. Сверху прекрасно видны пестрые горизонтальные слои зеленоватых глин и плотные плиты желтоватых и серых известняков. Геологи обнаружили в них раковины морских моллюсков и остатки других морских животных сарматского периода. Сарматское море в среднетретичное время тянулось от западных берегов Арала через весь юг Европейской части СССР до Дуная.

В сравнительно недавние геологические времена вдоль обрыва Усть-Урт, на юге Аральского моря, в сушу глубоко вдавался так называемый Айбугирский залив. Впоследствии он обмелел, высох, и от него осталось лишь озеро-болото Ай-Бугир, расположенное к северу от древней и к югу от современной дельты Аму-Дарьи. На месте залива расстилается равнина, покрытая высокими, местами даже непроходимыми, зарослями камыша — тугаями. В тугаях, как в джунглях, скрываются дикие кабаны, рыси, а нередко — тигры и шакалы.

Мы пролетаем над дельтой могучей среднеазиатской реки. Под нами плоская равнина, сплошь изрезанная блестящими и извилистыми змейками протоков и рукавов реки. Они нередко соединены друг с другом и разветвлены настолько, что образуют сплошную сеть, в петлях которой как бы запутались небольшие островки, чуть приподнятые над поверхностью воды. Среди множества мелких протоков и рукавов ясно выделяются более крупные. Вот широкой голубовато-желтой полосой вьется самый многоводный из дельтовых рукавов — Улькун-Дарья. По ней к устью Аму-Дарьи медленно ползут баржи, груженные хорезмским хлопком и рисом.

Другой большой рукав — Яны-су, — расположенный значительно восточнее нашего маршрута, не виден нам. Сверху в аму-дарьинской дельте легко различить две ее ветви — две системы протоков. Одна из них, западная, тяготеет к Улькун-Дарье, вторая, восточная, — к Яны-су.

Чуть ли не каждый год, во время весенних разливов, в аму-дарьинской дельте возникают новые протоки, а старые уменьшаются или совсем исчезают. Здесь очень много стариц — оторвавшихся от реки и пересыхающих излучин русла. Сверху они легко отличаются от живых русел своей отстоявшейся, прозрачной водой.

Разрушительная и созидательная деятельность Аму-Дарьи огромна. В давние времена не хорезмийцы, поселившиеся на ее берегах, подчиняли себе строптивую реку, а Аму-Дарья властвовала

над ними, заставляя людей, в зависимости от разрушения берегов и перемены русел, переносить свои пашни, строить новые плотины, проводить новые каналы.

Разрушая свои берега в одних местах, Аму-Дарья намывает в других обширные отмели, постепенно зарастающие камышами, кустарником и лесом.

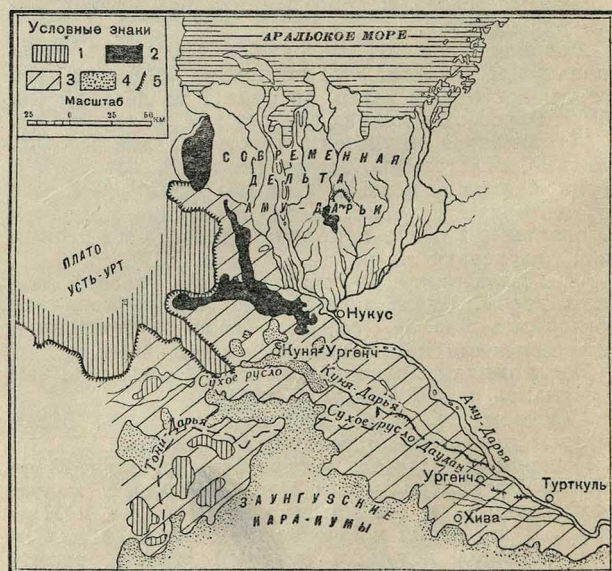
Вдоль всей дельты, за исключением тугайных и прибрежных районов, человек с давних времен обрабатывает землю. Под нами, быстро сменяя друг друга, проходит изрезанная арыками пестрая мозаика полей, желтые квадратики глиняных дворов-крепостей с зелеными садами внутри, тугаи, покрытые темной щетинкой камыша, яржежелтые полосы приречных отмелей и дугообразные следы ежегодных перемещений русел.

Но вот сеть дельтовых протоков и рукавов сужается, образуя как бы вершину треугольника. Здесь находится Нукус — новая столица Кара-Калпакской АССР. Мы различаем плоские крыши желтых глиняных низеньких построек, темные пятна круглых войлочных кибиток, узкие кривые улочки, пеструю, кишашую народом базарную площадь — это старый, отживающий свой век Нукус. Его сменяет новый город, с благоустроенными, европейского типа, жилыми домами, школами, театром, с водопроводом, мощными улицами и электричеством. Как резко выделяются хорошо различимые сверху новые постройки, сколько строящихся зданий!

Километров на 200 выше по течению реки расположен Турткуль, бывший до последнего времени столицей Кара-Калпакии. Аму-Дарья гонит отсюда город, разрушая с невиданной быстротой берег и отвоєвая у него ежегодно огромные территории.

Первую пятнадцатиминутную посадку самолет делает в Нукусе. Далее наш курс лежит на юг, здесь мы вступаем в область древней аму-дарьинской дельты — Хорезмскую низменность.

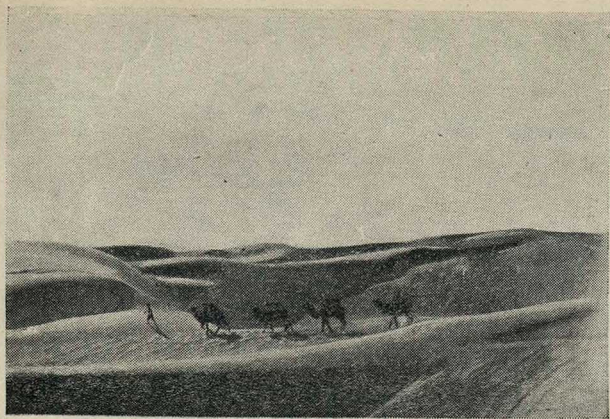
Плоская однообразная равнина, приподнятая на

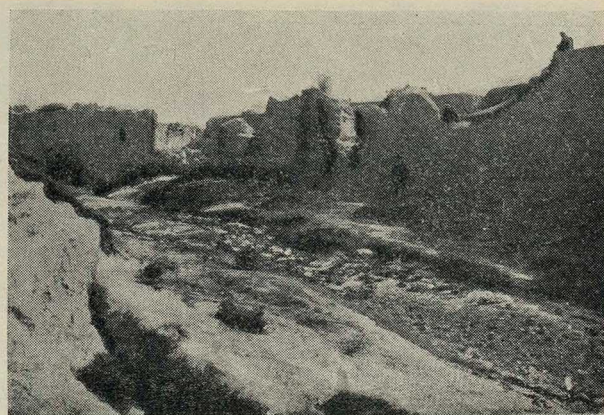
ДЕЛЬТА АМУ-ДАРЬИ.

1. Пустынные плато. 2. Высохшие озера, заросшие тугаями.
3. Древняя дельта Аму-Дарьи. 4. Пески. 5. Обрывистый край плато.

¹ Глубина Арала, однако, невелика — в среднем 16 метров.

Караван в песках древней дельты Аму-Дарьи.

Сухое русло Куня-Дарьи.

90–115 метров над уровнем моря, постепенно снижается на севере и северо-западе. С севера она граничит с Айбугирским болотом и пустынным плато Усть-Урт, острым узким мысом вдающимся вглубь Хорезмской низменности. На оконечности мыса высятся развалины башен древней туркменской крепости Ширван-Каала. На юге лежит пустыня — Заунгузские Кара-Кумы.

Большие пространства в южной части Заунгузских Кара-Кумов покрыты движущимися барханными песками. Причудливым яркзолотым орнаментом лежат они в желто-палевой пустыне, тоскливого однообразия которой не могут оживить редкие кустики солянок и безлиственный саксаул.

Сухие русла — протоки древней Аму-Дарьи — прорезают равнину: самое крупное из них, северное русло Дарьялык, или Куня-Дарья, сохранилось очень хорошо. Южнее древние дельтовые протоки больше стертые и засыпаны песком.

Древняя дельта Аму-Дарьи образовалась в сравнительно недавние геологические времена. Прежде Аму-Дарья текла на запад в область нынешних Кара-Кумов. Путь к Аралу реке преграждали Заунгузские Кара-Кумы. В поздне-четвертичное (последнеледниковое) время Аму-Дарья прорвала преграду из коренных пород Заунгузских Кара-Кумов и устремила через узкую теснину у пос. Питняк в неглубокую котловину Хорезмской низменности огромное количество своих вод, несущих ил и песок. Постепенно в области Хорезмской котловины сформировалась обширная дельта, разделившаяся на две ветви: восточную, протоки которой устремлялись на север, к Аралу (он был тогда больше, чем теперь), и западную, протоки которой текли на запад и северо-запад, к глубокой Сарыкамьшской котловине. Воды Аму-Дарьи заполняли Сарыкамьшскую котловину, образовав там большое пресное озеро. Избыток воды уходил из озера на юг и на запад, по высохшей ныне реке Узбой в Каспийское море.

В последнеледниковое время количество воды в Аму-Дарье уменьшилось, уменьшилась и площадь Арала. Началось отмирание западной ветви аму-дарьинской дельты. В связи с этим стало высыхать и Сарыкамьшское озеро.

В настоящее время восточная часть Хорезмской низменности — крупнейший оазис на Аму-Дарье. В течение многих столетий человек возделывал здесь свои поля. В этом месте теперь сходятся границы двух национальных республик: Туркменской и Узбекской.

Древний Хорезм, впоследствии Хивинское ханство, отделенный от соседних населенных областей мертвыми песками и безводными пустынями, был могущественным государством уже во времена Александра Македонского. Из-за своей гео-

графической изолированности Хорезм сохранял самостоятельность в течение многих веков. Но с 1873 года Хива стала вассальным ханством царской России. Превратив Хорезм в свою колонию — поставщика дешевого шелка, кожи и другого сырья, — царская Россия тормозила развитие местной промышленности.

Жители оазиса — узбеки, туркмены и каракалпаки — издавна враждовали между собой. Причиной их вражды была вода.

Поля узбекских баев, расположенные близ Аму-Дарьи, там, где начинались оросительные каналы, были всегда обеспечены водой. Туркмены, обитавшие западнее, вдали от реки, и получавшие воду из конца арыков, часто терпели недостаток в ней. Царские чиновники, поддерживая богатых владельцев угодий — хана, баев и духовенство, разжигали национальную и межплеменную рознь.

Советская власть все изменила. В 1926–27 году была проведена водно-земельная реформа. Десятки тысяч безземельных и малоземельных хозяйств получили землю и воду.

Туземная оросительная система сейчас значительно усовершенствована. Арыки выпрямляются, механизмуется полив, расчищаются и охраняются русла арыков.

Вода Аму-Дарьи уходит по оросительной системе оазиса далеко к западу вглубь Хорезмской низменности, оживляя мертвую пустыню.

Много заброшенных сухих арыков, старых плотин в высохших руслах Аму-Дарьи, встречается западнее Куня-Ургенча, в области древнего оазиса, откуда вместе с водой ушла жизнь.

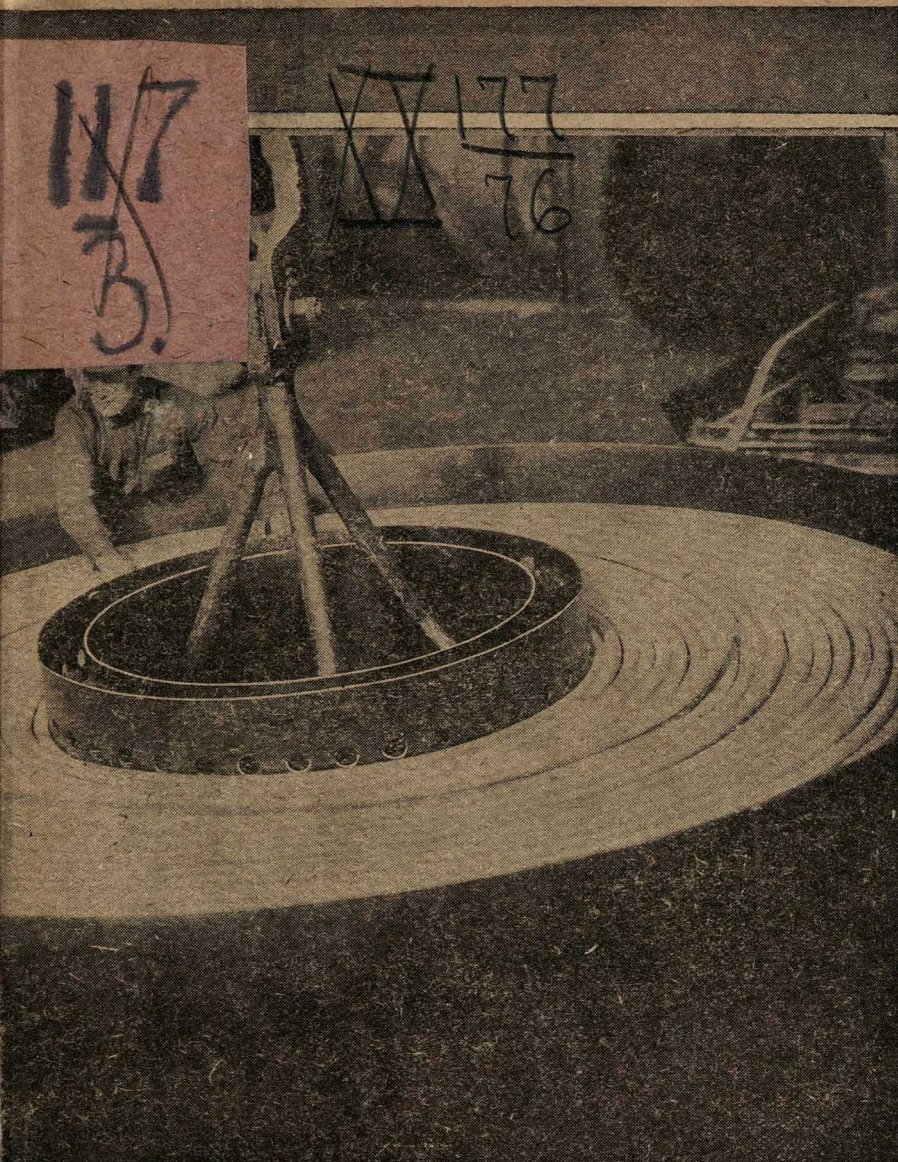
Советские ученые сейчас упорно работают над проблемой обводнения Хорезма и областей, лежащих к западу от Сарыкамьша. Они оживят мертвую пустыню водами Аму-Дарьи, восстановят западную часть речной дельты, заполнят опять Сарыкамьшскую впадину водой и обводнят Узбой.

★

Под нами проплывает поселок Кипчак. К юго-востоку от Аму-Дарьи над плоской однообразной пустыней вырисовываются очертания горного хребта Султан-уиз-дага. У подножья его блестят серебряные пятна озер; с севера маленькое озеро Ходжа-Куль, с юга большое озеро — залив Аму-Дарьи — Истемес.

Местами Султан-уиз-даг достигает 760 метров высоты над уровнем моря. Горы его безводны и почти лишены растительности, лишь изредка в оврагах пробиваются родники.

Погода портится. Тучи заволакивают горизонт. Как хорошо, что мы уже близко от Турткуля — конечного пункта нашего полета.

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. ГОРЬКОГО

ГИХЛ

ИЗДАНИЕ 50 КОП

13128

1021

ВОЖАК

В. КОЗИН

Из утлой плоскодонной лодки на песчаную отмель прыгнул старик.

Меня поразила расчетливая смелость его прыжка: прыжок был совершен на двухметровом расстоянии от берега, а лодку увлекал стремительный напор мургабского половодья. Старик прыгнул на топкий наносный песок с легкостью молодого атлета. Лодка ткнулась в лиловый куст гребенчука. Старик протянул мне смуглую руку и с достоинством сказал:

— Здравствуйте!

Взгляд его был спокоен и пронизателен; темное лицо окружено полумесяцем белой бородки и старательно расписано узором тонких морщин; оно казалось вырезанным твердой, умелой рукой из столетнего дуба. Пленительная смесь строгой вдумчивости и неуловимой насмешливости была в этом лице. Старик вежливо прикоснулся к моей ладони и легкой походкой пошел к верблюдам.

Он был невысок ростом и строен; на голове его лежала бедная чалма. Поношенный туркменский халат небрежно свисал с узких плеч. Под халатом, подобно юбке, белели просторные бязевые штаны; коричневые ступни голых ног были всунуты в грубые кауши—летнюю обувь кочевника. По капризной тропе старик поднялся на зеленый берег.

Из лодки вышел перетянутый патронташами директор мервской конторы Туркменгосторга Малиев. Он сиял красной медью упитанного лица и был в благодушном настроении человека, приехавшего насладиться нежной и скоротечной весной пустыни.

— Решил осмотреть стадо,—снисходительно улыбнувшись своей наивной лжи, сказал директор:—Привез вам, как вы просили, старшего пастуха Теке Мурад-Иль-Мурад. Его знает вся Иолотань.

Проворный черкез подвел Малиеву буланого иноходца под кавалерийским седлом и ковровой попоной с ободранными кистями. Мы с Теке Мурадом сели на пыльные кошмы верблюжьих седел и крикнули:—«Чул!» Верблюды продрались сквозь розовые заросли гребенчука, освещенные обманчивым светом заката, и вышли на желтый простор песчаных бугров. Сзади вытянулась стеной удивительная зелень пендинского оазиса.

«Теке Мурад»,—подумал я. В переводе на

русский язык значит Вожатый козел, иначе—Вожак!..

Овечий стан был расположен на высоком бугре километрах в восьми от Мургаба.

С бугра открывался солнечный вид на великий и скудный простор песчаных увалов, скупо расписанных весеннею травой. Знойное пространство бугристых песков, прилегающих к Мургабу, представляет собою окраину юго-восточной части Кара-Кумов, ее пестрят, как шкуру барса, прекрасные пятна оазисов. Это высоко всхолмленная область короткой травы, край палящей тишины и невозмутимых далей, безмолвный мир желтых песков и голубого неба. Для выпаса каракульских овец, тысячелетиями живущих среди солнца и золотистых песков, это удачное место, ибо каракульская порода, одна из древнейших в овцеводстве, обитала у границы Кара-Кумов еще во времена величественной аннаусской культуры, существовавшей почти за восемь тысяч лет до нашей эры. Но Теке Мурад, проснувшись ранним утром следующего дня, когда над буграми еще лежал бледный сумрак и таяли звезды, сказал, укоризненно качая распутившейся чалмой:

— Это не хорошо! Овец нужно гнать от Мургаба.—И на мой удивленный вопрос уверенно ответил:

— Мургаб—злая река! Здесь стадо будетдохнуть.

Тогда я узнал от него, что мятежный и мутный Мургаб, с грузной стремительностью несущий свои шоколадные воды из Афганистана в Кара-Кумы, является источником не только зеленой жизни своих берегов, но и заразных болезней для сельскохозяйственных животных.

— Багр-курт, маама, учма!—проговорил старик и предостерегающе поднял палец.

— Глисты, оспа и сибирская язва!—ужаснулся я, и мне стало понятным неожиданное решение Теке Мурада перенести стан за двадцать километров от реки, в район соленых колодцев.

Пастухи открыли загон, и стадо потянулось в пески. Среди седых спин каракульских овец и белошерстных сарджинских высились рога лукавых козлов. За матками с блошиным проворством скакали ягнята; они падали перед матерями на колени, нетерпеливыми губами искали нежные соски, и жирные ягнячьи хвостики трепетали в восторге сладостных ощущений. Но матки не стояли: поспешно и жадно хватая из-под ног короткую траву, они брели все дальше по буграм,

навстречу выплывающему из пустыни солнцу. Некоторые, вздохнув, покорно и грузно опускались на песок. Дыхание их становилось прерывистым, они скорбно стонали, как женщины, и, судорожно дергая ногами, рожали ягнят. Там, где проходило стадо, песок пестрел кровавыми лентами последов и плавно кружились над лакомой добычей ястреба.

Стадо, закупленное для совхоза-комбината, было сборное и разнокачественное: рядом с матками высокого класса и безукоризненной чистопородности щипали траву энергичные метисы случайного происхождения. Теке Мурад прошел за стадом до ближайшего бугра и остановился. Овцы разбрелись по песчаной, размалеванной зеленью степи: слышен был шорох от движения тысяч копыт. Внимательным взглядом старик следил за беспокойными движениями овец, сонными фигурами пастухов и ленивыми псами. Постепенно стадо скрылось за вершинами увалов. Вокруг была солнечная тишь и сияющая голубизна пустынных далей. Со стана доносилось сиротливое и бессильное бление новорожденных ягнят, покинутых пугливыми матками и равнодушными чопанами: пастухи собирали их по утрам десятками в загоне и бросали в яму; это была темница обреченных, каземат новорожденных смертников: отсюда ослабевшие от голода и безнадежного крика ягнята шли под нож; после бесхозяйственного забоя каракульские ягнята давали хоть высокоценную шкуру, сараджинские же — только мерлушку ценою в один рубль.

Теке Мурад повернул ко мне лицо, сухое и морщинистое, как осенний лист; взгляд его был суров и испытующ.

— Очень плохо! — сказал он и огорченно причмокнул губами. — Зачем люди губят овец и маленьких кузы? Таких пастухов бай давно погнал бы камчой от стада, а государство им платит жалование. Разве бай умнее целого народа?

В тихом голосе старика и однообразном движении тонких пальцев с медными окрашенными ногтями была горькая взволнованность человека, оскорбленного бездушным уничтожением тех животных, в настойчивых заботах о которых прошла его жизнь.

— Яман, яман, — прошептал старик. — Так дело не пойдет. Чопан должен плакать и смеяться, когда видит свое стадо... Пастухов, товарищ, — он осторожно прикоснулся к моей руке, — нужно выбирать как зерно.

Тогда я поведал Теке Мураду возмутительные подробности междуведомственного содержания овец, беспризорно застрявших среди

Чопан

двух предприятий одного и того же учреждения: совхозом, находящимся в беспорядочной стадии организации, и мервской конторой, которая смотрела на стадо с отчаянным разочарованием ослицы, родившей вдруг зловредного лошака.

Я рассказал старику об ягнятах, которых обнаглевшие волчихи десятками резали и ночью и днем на глазах пастухов, о перепутанных отарах, в которых подсосные матки паслись вместе с быстроногими холостячками, о чопанах, которые почти поголовно, за исключением рыжего Геока Сеидти и чернобородого весельчака Караджи, страдали сонной болезнью. Старик молча выслушал меня, потом подумал, отвернув лицо в сторону, и сказал:

— Жалко, товарищ, какое стадо пропадет!.. Яман такое дело, совсем яман!

К вечеру Теке Мурад перевел стан на новое место. Агыл для загона на ночь овец был закончен в течение дня.

— Много людей — мало пользы, — сказал старик и оставил половину пастухов на стане; часть из них рубила ветки кандума,

Стадо в песках

другая рыла канаву. Зеленые стены агыла были сооружены вышиною в два метра и могли служить верной защитой от грозных налетов волчиц; внутренними перегородками загон был разделен на три неравных части с отдельными входами: для баранов-производителей, подсосных маток и маток с новорожденными ягнятами.

— Теперь есть немножечко порядок,—с внушительной строгостью проговорил Теке Мурад, когда бурное строительство загона стало подходить к неожиданно быстрому концу: хотя работа была трудной, и солнце огненным пластырем прилипало к плечам, но на пастухов возбуждающе действовали спокойно пронизательный взгляд и тихий уверенный голос старика.

Громадный козел, с чудовищными рогами и чернубурой шерстью до копыт, осторожно заглянул в новый агыл и недоверчиво звякнул колокольчиком. Чопаны возбужденно закричали: э-геть! э-геть!—и замахали руками. Овцы сгрудились, и тревожное блеяние наполнило синие вечерние сумерки. Подумав, козел решился—и с победоносным видом вбе-

жал в загон. За ним, с глупою старательностью, подпрыгивая на ровном месте, бросились овцы. Сзади взволнованно и нетерпеливо толпились ягнята. Отары разместились по своим местам, и Теке Мурад сучьями завалил входные отверстия.

Солнце провалилось за бугор. На песок легли ночные тени. К загону подошла отара безъягнятных маток и остановилась возле на ночлег. У кибиток трепетным языком взметнулся саксауловый костер. К костру приблизились собаки и разлеглись в покорном ожидании.

Над угрюмыми силуэтами бугров сверкнули звезды величиной с ладонь. Пастухи собрались вокруг костра, с чувственной медлительностью они пили зеленый чай и варили плов. За спинами их, в черном величии ночи, безмолвная и необъятная стояла пустыня.

Теке Мурад терпеливо выждал, пока чопаны не выпили каждый по одному пузатому чайнику гок-чая, потом начал неторопливую и вдумчивую речь.

Голос его был до небрежности спокоен и прерывался внушительными паузами. Он

Каракульское стадо

сидел перед костром на разостланной кошке, неподвижно скрестив ноги, и беззвучно перебирал деревянные самодельные четки. Голова его слегка склонена, и взгляд обращен на собственные руки. Непокколебимая выдержанность позы скульптурно выразительна, тонкое лицо окаменело. Освещенный беспокойными полосами вспыхивающего костра, он сидел перед молчаливым кругом чопанов как яшули-наставник и судья.

После каждой фразы старик на мгновение умолкал, и хитроумный Геок Сеидти с озабоченной почтительностью и в знак ненарушимого внимания торопился произнести одно из обычных туркменских междометий.—Ха, хааа, хаай!—певуче тянул он, выражая звуками удивление, возмущение, согласие—или, чаще, ничего не выражая.

Свое проникновенное слово Теке Мурад начал с упоминания о том, что некоторые из сидящих здесь, вокруг ночного огня, хорошо знают его: еще мальчишкой он работал верблюдишкой у отца Менгли-бая. Это было в то далекое время, когда русские генералы за-

воевали крепость Кушку и собирались итти войной в безлюдные пустыни северного Афганистана. Потом он был водоливом у Кулыбая, подпаском у Акым-бая и пас его стада на запад от Иолотани, наконец, чопаном у знаменитого Джапар-бая на колодцах Кумбезли. Кто не знает этого бая и его сараджинских овец?

И внимательный Геок Сеидти торопливо поддакнул:—Хаа!

Теке Мурад затаился из грязного облезлого чилима, любезно предложенного ему Караджой, выпустил изо рта тучу белого дыма и приступил к изложению самого главного.

Он, распрощавшись с баями, пришел теперь работать старшим пастухом в стадо совхоза. И, когда он ехал сюда, надеялся увидеть таких жирных овец, каких ему еще не приходилось встречать у самых богатых баев, веселых ягнят, глядя на которых неудержимо хочется смеяться, заботливых пастухов, какими может гордиться весь Туркменистан.

Пастухи неподвижно сидели вокруг одинокого, среди звездной ночи, костра и взволнованно молчали. Сзади них грузными силуэтами высились горбы спящих верблюдов. С тупым оцепенением смотрели на пылающий огонь понурые ослы, в подобострастном ожидании лежали на остывающем песке собаки.

Теке Мурад говорил все сдержаннее и тише.

Но... то, что он увидел в стаде, заставило его сердце плакать. Разве те, что сидят сейчас перед ним, настоящие коюн-уста (овечьи мастера)? Разве чопан, который не хочет опозорить свое имя, имя отцов и сыновей, позволит себе, как басмач, бросать ягнят в яму и ждать, когда они сдохнут там без молока? Разве честный пастух будет спокойно спать, уткнувшись носом в песок, в то время, когда волк подбирается из-за бугра схватить ягненка или оторвать жирный хвост у овцы? Разве старательный подпасок может сидеть в кибитке и пить чай, когда его отара путается с другими?.. И разве чопаны так работали у баев? Да ни один бай не стал бы и минуты держать таких ленивых пастухов. Зачем же они пришли в государственное стадо? Чтоб испортить овец, погубить ягнят и наложить пятно позора на себя и на советское хозяйство?

Теке Мурад поднял голову и сурово замолчал.

В настойчивой тишине звучно потрескивал костер и багровыми полосами ощупывал тяжелый мрак. Из-за невидимых бугров вдруг потянуло волчьим воем. Псы исчезли в темноте; их злобный и пугливый лай нарушил властное молчание ночи. Караджа взял винтовку и бесшумным шагом пошел к загону.

— Я говорю,—с неожиданной решительностью промолвил Теке Мурад,—кто хочет только спать и кушать плов, а не работать— пусть закроет лицо папахой, возьмет свой халат и уходит от стада. Такой человек не чопан: он для овец хуже волка!.. Кто останется завтра утром, получит считанную отару и собак, винтовку и кумган для чая—и будет отвечать за каждую овцу и каждого ягненка.

Плов был готов. Пастухи устало вздохнули, вымыли руки теплой водой из кумгана и разместились вокруг деревянной чаши.

С раннего утра, когда вершины бугров еще не розовели в предчувствии солнца, Теке Мурад был на ногах.

Он собрал в загоне рожденных за ночь ягнят и отнес их в сторону. Обеспокоенные матки гурьбой побежали за ним и за неко-

торыми из них, как алый шлейф, волочилась нежная мякоть нескинутых последов. Мокрые от околоплодной слизи ягнята беспомощно свисали с рук Теке Мурада и бессильными голосами призывали матерей. Молодые овцы в тревожной нерешительности шарахались из стороны в сторону и неожиданно бросались назад к загону, где бляло стадо. Для таких неопытных рожениц, могущих потерять своих первенцев, Теке Мурад распорядился вырыть глубокие и узкие ямы: в песках, где нет строительного леса, ямы заменяют собою, обычно употребляемые в подобных случаях, решетчатые загородки. В ямах все легкомысленные матери с новорожденными ягнятами и те матки, которые были назначены кормилицами для ягнят, окотившихся двойнями, оставались до тех пор, пока в них не просыпался материнский инстинкт и они с ласковой озабоченностью не начинали подпускать ягнят к набухшему вымени. Тогда их вытаскивали из ям и пускали в детскую отару.

Устроив ягнят, осмотрев их и отметив тех баранчиков, которые, по качеству своего смушка, могли пойти на забой, Теке Мурад принялся за организацию отар и поголовный пересчет овец. Отары с ягнятами он передал наиболее опытным и старательным чопанам: в подпаски к ним и для выучки назначил молодежь, потом установил строгие направления выпаса и рассказал, где и как пасти овец.

Солнце поднялось над буграми и начало пригревать. По степи побежали лучи, взрыхленный песок у загона, гордые и пугливые головы овец и сосредоточенные лица суетящихся пастухов стали ясными и четкими.

Проводив стадо в пески, Теке Мурад перебрал и подсчитал небрежно сваленные в кибитке каракулевые шкурки и сарджинские мерлушки, извлек сырые и развесил их в тени сушиться. Потом отдал Палван Назару распоряжение выпечь хлеб для чопанов, накормить верблюдов, убрать в кибитку кошмы и чувалы. Развешивая шкуры и рассматривая тушки забитых ягнят, свисающие с веревки, словно гигантские капли крови, старик двигался с неторопливой ловкостью, в каждом движении его была точность, целесообразность и разумная экономия сил. Чувствовалось, что старик обладает верным, хозяйственно-безошибочным взглядом, ясными знаниями и деятельным опытом многих поколений.

Сделав необходимые распоряжения, он положил на ишака кошму, деревянное седелько,

халат и взял короткую палку, чтобы, ковыряя холку осла, вызывать у него хотя бы скромное желание двигаться вперед. Я сел на другого ишака, и мы поехали осматривать колодцы.

Легкою и знойною растительностью были покрыты пологие увалы. Местами, по склонам бугров и в ложбинах, унылою щетиною возвышались бледные бадракмы и тянулись высохшие ооподы, из водосборных чашечек которых весною пьют воду джейраны. Солнце неотразимо стояло над головой. Трава в ложбинах была насыщена солнцем и пахла пряно. Зеленая желтизна увалов рябила в глазах. Расплавленный воздух струился над песками.

Мы взяли в сторону от прямого направления на колодцы и подъехали к одной из пасущихся отар.

Овцы свободно разбрелись по траве. Некоторые, вытянув шеи, лакомились веточками кандума, заштрихованными острой и тощей листвою. Уставшие от весеннего солнца и насосавшиеся материнским молоком ягнята дремали на песке, забавно свернувшись калачиком. Перед глазами расстилалась спокойная и мирная картина.

Но ни пастуха, ни собак возле стада заметно не было.

Внезапно Теке Мурад бесшумным движением слез с ишака, припал к земле и, крадучись, пополз на ближайший бугор. Я проследил за направлением его удивительного движения и увидел под кандумовым кустом раскинувшегося во сне чопана Оруна. К нему, стремительно и легко извиваясь по склону бугра, подбирался старик. Пастух не шевелился. Старик осторожно приподнялся над бугром, взял прислоненную к кусту винтовку и спустился вниз. Глаза его лукаво щурились, и самодовольная усмешка растягивала тонкие губы.

— Теперь чопаны засмеют Оруна,— сказал Теке Мурад, садясь на ишака и пряча винтовку под халат.—Этот человек умрет от стыда, когда я буду всем рассказывать, какой он лодырь... чопан-ялта! Он может даже уходить от стада: разве советской власти нужны такие люди?

Старик зажмурился и нестерпимо пронзительным голосом закричал:

— Гоо-уу, Орун, гоу!

Пастух вскочил и, ошалелый, заметался по бугру. Теке Мурад схватился за живот и залился беззвучным неудержимым смехом.

Отношения между Теке Мурадом и пасту-

Пастух с верблюдом

хами с каждым днем становились все более простыми и четкими.

Для пастухов старик был близким и непогрешимым авторитетом не только в сложных вопросах каракулеводства, но и в повседневно волнующих мелочах однообразной и скудной чопаньей жизни. Имя Теке Мурада, произнесенное в разговоре, вызвало на всех колодцах от Иолотани до афганской границы обычный почтительный отзвук: бильдым, бильдым! (Знаем, знаем!).

Он был человеком, умеющим метким словом, скользящей усмешкой, привычным жестом вызывать радостный смех, которому так подвержены люди пустыни, покаянную задумчивость, простодушный восторг, горечь зависти, упрямое желание лучшего, вспышку обиды и горделивое ощущение превосходства.

Старик был тверд и ровен в своих отношениях с чопанами и безошибочно пронизателен в выборе способов влияния на них: он хорошо знал батраков и подпасков, людей песков и солнца, вся собственность которых была в рваном халате и кривой чопаньей палке. Он рос среди тех же необозримых увалов и бездонных колодцев, в долгом сиянии осенней ночи думал без слов у тех же одиноких и трепетных костров, с

той же стыдливой и навязчивой страстью мечтал о невозможной подруге жизни и шептал о безнадежном калыме, пел, не переводя дыхания, протяжным голосом, полным скорбного недоумения и тщетных желаний, те же безначальные и бесконечные песни, шел за стадом и впереди стада в черный ветер и мучительную гололедицу, застывшими пальцами сдирал шкуру с павших от джута овец, трясся в дырявом ойлике, грыз окаменевший хлеб, беспомощно моргал глазами, когда его рассчитывал лукавый бай, и иногда от лютой жизни начинал мечтать о всеисцеляющем терьяке ¹.

Он знал эту остановившуюся жизнь, в которой прекрасным был только струящийся салгым (мираж), и людей, которых по жестокости обычая предков-кочевников женщины родили в сидячем или висячем положении. И, зная людей, изуродованных кривобокую, скудную и еще не до основания разрушенную жизнью, он обращался к каждому из них с особенными словами и неповторимым для других выражением голоса и взгляда.

Со скрытою насмешливостью, опасно спокойным голосом он рассказал чопанам о бесстыдном поступке Оруна, и развеселившиеся чопаны подняли насмех проспавшего винтовку пастуха. Молодой Орун был смущен так, что, не дождавшись плова, бросился от костра к загону—и проспал всю ночь среди овец. Наутро Теке Мурад дал ему вместо винтовки охотничье ружье, и Орун, отвернув лицо, взволнованно прошептал:

— Я никогда больше не буду спать, Теке Мурад... отдай мне мою винтовку!

Но, если Караджа, увлекшись удачным попасом, пригонял отару на ночлег слишком поздно, и не окрепшие еще ягнята, понутив головы, устало плелись за матерями, Теке Мурад при пастухах ничего не говорил самолюбивому Карадже. Он выжидал минуту, когда чернорабочий здоровяк останется один, подходил к нему, в виде дружеского совета произносил несколько слов:

— Пожалуй лучше, Караджа, со стадом возвращаться раньше: в темноте можно растерять ягнят.—И понятливый Караджа, улыбаясь старику, весело кивал головой.

Подпаску-белуджонку Мамеду старик за провинности выговаривал спокойно и строго. Но зато, когда в стадо поступала новая партия прозодежды, Мамед получал самую длинную рубаху и самые блестящие кауши. И

черномазый задорный мальчишка, гордо надутая рубаха пузырем, сломя голову носился по пескам, подгоняя к загону овец или разыскивая верблюдов.

Вся жизнь Теке Мурада прошла среди песков у дымных костров и овечьих стад. По голосу овцы он умел узнавать ее настроение и неудовлетворенные потребности по шерсти—какого качества может быть завиток у ее ягненка, по форме хвоста, голове и цвету руна мог определить степень ее чистопородности. Он знал, когда овца должна окотиться, сколько можно ожидать в этом году двоен, какого барана выгодно случить с теми или другими матками, когда наступает критический момент отбоя ягнят и когда надо снимать с них поярок.

Живой и обильный опыт человека, принявшего десятки овечьих поколений и пропустившего через свои руки тысячи овец, руководил движениями и поступками Теке Мурада: овца была для него не только сельскохозяйственным животным, удовлетворяющим основные потребности людей, не только одушевленной шубой, шапкой и жирной шурпой, но и близким, многомордым и многообразным существом, которое из года в год рядом ело, спало, голодало, дрожало от мокрого снега, задыхалось в зной, страдало и беззвучно радовалось. И тысяча овец была для него не просто собирательная конкретность—стадо, а нечто неизмеримо большее.

Теке Мурад твердо и ясно знал, какая тесная взаимосвязь, решающая судьбу стада, существует между овцой и пастухом. Зная это, он мог предвидеть, предвидя—уверенно и смело действовать.

Окот подходил к концу. Сотни ягнят были уже в месячном возрасте.

Черные и упругие, налитые молодым жиром, ягнята беззаботно скакали за матками и настойчиво высасывали из них густое молоко: подсосные овцы были слабой упитанности.

— Это ничего,—успокоительно говорил Теке Мурад.—Когда мы отнимем ягнят, овцы поправятся. В случку и в зиму они пойдут в хорошем теле.

Его тревожили не столько матки, сколько сарджинские ягнята: их курдючки казались надутыми шароварами, жир в курдючках отлагался настолько усиленно и обильно, что кожа лопалась, как у зрелого граната, и в свежих ссадинах заводились черви. В конце апреля появились клещи, отвратительными кучами они присасывались к бесшерстным частям кожного покрова животных, вызывая

¹ Наркотик—вареный опиум.

жестокий зуд и разрушая ткани нежной кожи. Из овечьего помета Теке Мурад приготовил свое излюбленное средство от кожных паразитов—кара-яг. Это был производственный предрассудок—ветеринарное знахарство! Я посоветовал Теке Мураду линимент из креолина, чистого дегтя и двух частей хлопкового масла. Старик задумался.

— Ну, что ж,—сказал он.—Я делаю так, как все овцеводы, но можно попробовать и ваше лекарство.

Линимент был закуплен в Иолотани. Три дня напролет Теке Мурад с пастухами перебирали ягнят: каждого ягненка нужно было осмотреть, пинцетом отодрать всосавшихся с головой клещей, извлечь белые россыпи глубоко проникнувших в тело личинок и залить все пораженные места обеззараживающим и едко пахнущим составом.

Закончив бесконечно однообразную и кропотливую работу Теке Мурад заявил, что пора перекочевать на левый берег Мургаба: наступает период купки и стрижки овец.

— Мы пострижем овец, сдадим шерсть, все каракульские шкурки, мерлушки, овчины—и пойдем далеко в пески, на колодцы Геок-ча!—решительно проговорил старик.—Каракульская овца должна быть в песках, а Мургаб—плохая река!

После купки овец, приглашенные Теке Мурадом с ближайших колодцев стрижеи приступили к стрижке.

Этому предшествовала долгая, полная лукавой изворотливости и осторожных уговоров беседа между стариком и случайно собравшейся артелью стрижеев. Стрижеи запросили по двадцать копеек с остриженной головы. Теке Мурад ни слова не сказал в ответ и усадил артель пить чай. Запрошенная цена была явно преувеличенной: стрижеи пользовались неотложностью сезонной работы и тем, что спрос на рабочие руки в это время поглощает все, даже самые беззастенчивые предложения. Перед Теке Мурадом возникла сложная задача: уговорить артель снизить цену, но так, чтобы не оттолкнуть ее сразу непримиримостью отказа, не обидеть резкой настойчивостью убеждения и не потерять своего спокойного достоинства.

Разговор, по обычаю всех кочевников, Теке Мурад начал издали.

После обязательных расспросов о здоровье, произнесенных привычной скороговоркой, и вежливого предложения—сорнаг (спрашивают... что вас интересует), старик с приторным равнодушием осведомился, насколько

За выпечной хлеба

ко хорошо в настоящее время работать в байских стадах. Старшина артели—толстый и косоглазый Уде Баба, с темным лоснящимся лицом и нежной проточиной от пендинской язвы на правой щеке,—подумав, уклончиво ответил, что теперь существует батрачком, который один раз даже приезжал на колодцы, но зеленого чая номер сто двадцатый и брезентовых плащей байские чопаны, конечно, не имеют. В ответ Теке Мурад сказал, что лучший чай (номер сто двадцатый) кырк-кымчи будут пить в продолжение всей стрижки, что пастухи советского стада, действительно, полностью обеспечены прозодеждой и каждый вечер едят плов; что советская власть заботится о своих чопанах, но и чопаны должны заботиться о советском хозяйстве.

— Возможно,—после многозначительной паузы добавил старик,—что в дальнейшем кто-нибудь из стрижеев захочет тоже стать советским пастухом, и если он окажется честным работником, который гонится не только за своей выгодой, как жадный торговец, но и за общей пользой, то такого верного и добросовестного чопана всегда с удовольствием примут в стадо совхоза.

— Все возможно,—спокойно проговорил Уде Баба, принимаясь за третий чайник чая,

и стрижей возбужденно переглянулись за его спиной.

К агылу, возле которого сидела на песке артель, подошли Геок Сеидти и Караджа, пригнавший для стрижки свою отару. Уловив основное содержание разговора, Караджа выждал, когда старик кончил говорить, и решительным голосом произнес:

— Теке Мурад сказал правильно: советское стадо—не байское стадо! Смешно смотреть на человека, который старается согреть лишнее с советского хозяйства. Разве кто-нибудь из нас станет стричь свою собственную шубу?

Стрижеям понравилась острота, и они одобрительно рассмеялись. Тогда Теке Мурад убежденно проговорил, что кырк-кымчи сделают полезное и удобное советской власти дело, если согласятся стричь овец по пятнадцать копеек с головы. Стрижей весело посмотрели в лукавые глаза старика, поспорили между собой и согласились.

Стрижка происходила в агыле. Подсунув друг под друга головы и прерывисто дыша, овцы теснились у теневой стороны загона. Стрижей клали овец на бок, связывали им ноги, и, обмотав клоком шерсти большой палец правой руки, стригли овец исполинскими ножницами. Несочлененные лезвия чопаньих ножниц были похожи на длинные односторонне отточенные ножи. Стричь ими нужно было при помощи обеих рук, требовалось большое, накопленное годами умение, чтобы быстро и продуктивно действовать этим вековым орудием производства. Состриженное с овцы сплошной пеленой руно сворачивалось в пухлый шар внутренней стороной наружу и складывалось в кучу позади каждого стрижея. Средний стрижей пропускал в день по тридцати пяти голов, хороший—сорок и сорок пять.

Теке Мурад, стремясь скорее покинуть берега опасного Мургаба, торопился кончить стрижку. Он стоял подле черного и, как паровоз, покрытого жирным потом Уде Баба, с откровенным удовольствием наблюдал за ловкими и безостановочными движениями его толстых и могучих рук. Уде Баба звучно сопел, и, казалось, испарялся всем необъятным телом. Вдохновленный почетным вниманием старика и увлеченный яростной стремительностью собственной работы, он гнал, сопя и отдуваясь, все выше тяжелую кривую своей завидной выработки. Пестрые шары овечьего руна пышной грудой возвышались за его спиной, и Теке Мурад не успевал смазывать раствором креолина случайные порезы на коже остриженных овец.

К тому времени дня, которое туркмены называют гун-догды, что значит полдень, Уде Баба положил в свою кучу тридцатое по счету руно, потом сел в тень, ладонью смахнул пот с горячего лица, вздохнул и потянулся за чайником.

— Коп якши арват! (Очень хорошая работа!)—с суровым одобрением, негромко и выразительно, но так, чтобы могли услышать Уде Баба и близстоящие стрижей, сказал Теке Мурад и пододвинул первому стрижею два самых больших чайника с крепко настоенным чаем. Могучий Уде Баба склонил голову и, невыразимо польщенный, улыбнулся, стыдливо и гордо.

Артель не хотела отставать от своего прославленного старшины, на которого, заинтересованные похвальными отзывами сдержанного Теке Мурада, приходили с почти-тельным вниманием смотреть постухи. И после обеденной шурпы, покруче намотав на большой палец шерсть, артель молча и сосредоточенно принялась за дальнейшую работу.

Через восемь дней одиннадцать стрижеев закончили стрижку стада в четыре тысячи голов.

Стадо перекочевало на колодцы Геок-ча.

Колодцы были расположены в просторной котловине и окружены раздольными пастбищами. Это была знойная область голубой травы, страна высохшего на корню густого низкотравия, солнечный край, изрытый нормами буйно размножающихся грызунов и исполосованный стремительными тропками неуганнанных джейранов. Остановившись со стадом на Геок-ча, Теке Мурад успокоенно вздохнул: здесь были в изобилии свежая вода и песчаный простор нетронутых пастбищ—наличие тех естественных сил, какие в основном создают благополучие каракульских стад.

Группа колодцев Геок-ча некогда принадлежала баю, ныне исчезнувшему в неизвестном направлении, но все необходимое оборудование колодцев, начиная с искусно выложенного тонкими кирпичиками и облицованного бетоном бассейна-хауза и кончая деревянным блоком, осталось на месте. Колодцы были глубоки—сто двадцать метров до уровня воды—и два могучих верблюда вытягивали кожанный мешок вместимостью в шесть-восемь ведер в течение пяти минут.

На колодцах Геок-ча Теке Мурад приступил к окончательной, доведенной до последней мелочи организации стада. Само слово «организация» было ему неведомо, но дей-

ственным смыслом этого слова была про-
никнута вся его пожизненная работа: в рам-
ках своего непосредственного опыта и не-
престанных наблюдений, бесчисленное коли-
чество которых давно перешло в чувство
предвидения, он безошибочно чувствовал жи-
вую связь между пастухом и овцой.

Пастбища могли быть раздольны и обиль-
ны, вода в колодцах свежа и чиста, но толь-
ко пастух делал и пастбище и воду усло-
вием, в ряде других создающим высокопо-
лезную домашнюю овцу. Теке Мурад был
твердо уверен в том, что каков пастух, та-
ково и стадо. Организация стада заключалась
для него поэтому прежде всего в подборе
и трудовом воспитании постоянного кадра
пастухов.

Лишних людей, полностью не занятых ра-
ботой и не увлеченных своим трудом, в сон-
ном безразличии возлегающих возле отары
и страдающих пристрастием к длительному и
неподвижному наслаждению зеленым чаем,
Теке Мурад считал наибольшим злом.

— Стадо болеет от плохих чопанов,—го-
ворил старик.—Плохой чопан или лишний
чопан—для овцы все равно, что сыгарка
(клевц)!

Посоветовавшись с Геоком Сеидти и Ка-
раджой, он освободил стадо от всех лишних
бездельных пастухов и выписал из Иоло-
тани двух новых: стройного, щеголеватого
и приветливого старика Нури Шах-Назара,
украшенного серебряным клином сияющей
бороды и таким большим ножом на поясе,
какого мне еще не приходилось видеть в
Туркмении, и демобилизованного красноар-
мейца Анна Тача—широколицого парня с
проникновенным взглядом, комсомольца и гра-
мотея.

Уже через две-три декады отара Нури
Шах-Назара выделялась среди других своею
упитанностью и четкостью движений. Наряд-
ный и тщательно подбранный старик, не рас-
стающийся с щипчиками для выдергивания
лишних волос на лице, металлическим зер-
кальцем и чугунными часами, приучил своих
овец и собак к строгому и размеренному ре-
жиму: минута в минуту он выходил с ота-
рой на пастбище и возвращался к стану. Не-
укоснительно придерживался одного направ-
ления и не менял места остановки. Точно
через день, в определенный час он подгонял
овец к колодцу, давал им отдохнуть и под-
пускал к воде. Не подозревая даже о суще-
ствовании условных рефлексов, он упорною
равномерностью своих действий привил их
отаре: его овцы сами останавливались на из-

Колодец

бранном месте, спокойно лежали, в нужный
момент подымались и были послушны весе-
лому и зычному голосу своего чопана. По-
мощниками Нури Шах-Назара были собаки.
Он их выдрессировал так, что они сбивали
стадо в кучу, подгоняли отставших овец,
разыскивали заснувших в траве ягнят, не
испытывали панического страха перед волчь-
им духом и никого, кроме пастуха и подпас-
ка, не подпускали к отаре.

Караджа и молодой Анна Тач прилагали
все усилия к тому, чтобы довести состояние
своих отар до блестящего вида овец Нури
Шах-Назара, но у них не хватало опыта
и каменного терпения.

В сентябре на колодцы Геок-ча приехала
комиссия по передаче стада совхозу.

Комиссия удачно попала к началу водо-
поя овец. Теке Мурад, вежливо и с достоин-
ством поздоровавшись, проводил членов ко-
миссии к главному колодцу; с бассейна его
открывался широкий вид на вогнутый про-
стор песчаной котловины, по которой чер-

ными многоточиями двигались отары. Отара Караджи подошла к колодцу и остановилась в отдалении. Караджа отделил шматок в полсотни голов и пустил его к колоде. Собаки окружили оставшуюся часть, которая, во избежание суетливой давки вокруг колоды, должна была ожидать в стороне своей очереди. Шматок, взбрасывая вверх грузные хвосты, бойко подбежал к корыту и облепил его. Теке Мурад выгасил со дна бассейна втулку, и чистая вода, журча и волнуясь, потекла к нетерпеливым овечьим ртам.

— М-да!—выразительно произнес представитель рабоче-деханской инспекции, с удовольствием смотря на ровный, веселый и отлично упитанный шматок.—Для начала приятное впечатление. Наверно это у вас, товарищ старший пастух, лучшая отара?

— Если одна отара лучшая, а другая худшая,—хладнокровно ответил Теке Мурад, то это уже плохое стадо. Я не знаю—смотрите сами!—и в глазах старика мелькнули лукавые искры.

Вслед за отарой Караджи к колоде игривым и беспокойным табунчиком подбежали пятимесячные ярочки Анна Тача. Это было беззаботно прыгающее сборище сытых подростков, вертявая и шумливая орава, с задорным любопытством озирающаяся по сторонам. С гнянт недавно сняли нежную поярковою шерсть, и они выглядели как остриженные заносчивые ребята.

— Вот это молодняк!—вырвалось у недоверчиво настроенного представителя Наркомзема.

— Н-да!—с увлечением проговорил представитель эрдеи.—Ничего подобного я не ожидал увидеть. Можно сказать, что совхозу повезло.

К колодцу медленно и спокойно, окруженная мордастыми и злыми псами, подошла отара Нури Шах-Назара.

У колодца длинноспинные и гибкие псы бросились с двух сторон в отару и отделили головную часть, удержав на месте остальных. Белая волна сарджинских овец и валухов подкатила к колоде с протяжным шумом морского прибоя.

Сарджинские овцы с грузными мясными формами, рослые и нарядные, в локонах нежно извитой шерсти окружили колоду и круглыми, как бревна, телами заколыхались перед глазами ошеломленной комиссии. Сильные и самоуверенные валухи, ростом с осла, тяжело

волнуясь отвислой громадой курдюков, протиснулись вперед и стали вдоль колоды словно рослая гвардия. Игрушечный старик Нури Шах-Назар, блестя серебряной бородой, неслышно подошел к колодцу, приложил руку к груди и величественно поклонился.

— Такое стадо я вижу в Туркмении первый раз! Товарищ, разрешите пожать вашу руку!—взволнованно сказал представитель рабоче-деханской инспекции и порывисто шагнул к Теке Мураду. Старик растерянно улыбнулся и неуклюже протянул ладонь.

Комиссия спустилась с колодца.

— Из этого стада мы современем сделаем в совхозе элиту,—проговорил зоотехник, отходя в сторону от зарывавших псов Нури Шах-Назара.

— А что такое элита?—спросил представитель эрдеи.

— Элита—это высший класс!

На уроке линбеца

ЧАРДАРА

Мих. СКУРАТОВ

Чардара—значит «необжитое место». Совхоз Чардара—настоящий остров хлопка—вырос под самым боком пустыни Кызыл-Кум, в безводной степи, в безлюдном крае. И стоило ему появиться, как рядом с ним наполнился иным содержанием районный городишко Чардара, иной жизнью зажили кочевники-номады, иной жизнью зацвела степь.

Совхоз заложен в марте 1931 г. Этой осенью он снимает первый почин—урожай, но уже требует—имеет право требовать—много транспорта. Заброшенный в самый дальний угол Голодной степи, он потянул через всю степь вереницы обозов, караванов лошадей, оживил это безлюдное место. Не шутка—забрасывать по бездорожью товары и груз! Надо удивляться, что несложный транспорт работает почти бесперебойно, доставляет горючее и в общем недурно обслужил посевную 1931 г.

Казалось, какая необходимость строить совхоз так далеко, за 140 км от жилых мест, за 160 км от железной дороги? Но страна нуждается в хлопке, страна указывает место там, где имеются возможности для расширения хлопкового клина. Поблизости Чардары протекает река Сыр-Дарья—она будет питать совхоз водой, давать ему жизнь: как везде, без воды здесь нет жизни.

Глубокой древностью веет от затерянных в степи караванов, но везут они советские товары, самые молодые товары в мире. Когда ustanовятся дороги, степь будет бороздить автомобили—они уже начинают бороздить ее.

В Чардаре в текущем году осваивается 4 800 га. Эта огромная работа производится там, где сколочены временные бараки, вырыты землянки, выросли муравьиными кучами шатры, кибитки, юрты,—и нет ни одного капитального строения. Строительство совхоза будет идти попутно с ростом хлопковых площадей. Еще не успели призвать его к жизни, еще он сам не успел вырасти, а он уже дает жизнь хлопчатнику на тысячах гектаров. На следующий год он даст возделанной земли 7 000 га, в 1933 г.—15 000 га, в 1934 г.—32 000—35 000 га.

Сейчас совхоз в стадии становления, он переживает «болезни роста». У него, как у младенца, прорезываются зубы, и он стонет

от боли. «Зубами» являются растущие ежеминутно потребности в увеличении транспорта, в завозе живой рабочей силы, в доставке инвентаря и строительных материалов—до гвоздя включительно. А так как он находится на отлете, то всякая мелочь ему достается с боем. С боем добывая себе признание, он растет не по дням, а по часам.

И внешний вид хутора, занятого совхозом, отмечен характером походной разбросанности, неустойчивой боевой жизни. Словно из окопов, высыпают на вольный воздух люди из землянок, из походных, военного образца, палаток и кочевых кибиток. Шумный кипучий лагерь, бивуак, весь на виду. Здесь начаты битвы, которыми разрешается проблема продвижения хлопчатника далеко на север. Покамест это еще происходит только на линии Ташкента, в сердце Азии, но лиха беда начало.

Штаб совхоза помещается в центральном хуторе, но готов сняться в любую минуту и переехать в другое место. Здесь только временная его квартира: он еще не выбрал для себя постоянного местопребывания, потому что пока неизвестно, в каком направлении будет развиваться дальнейшая прирезка новых площадей: ближе ли к Сыр-Дарье, вдоль Сыр-Дарьи или ближе к пустыне. Еще не определены границы совхоза, еще они текучи, как песок Кызыл-Кума.

Среди землянок, кибиток, палаток, наш автомобиль кажется громадным. Легко представить, насколько невзрачны эти хибарки, если можно ступить ногой на их плоские, убогие крыши и придавить иную из них, как шляпку шампиньона! Такие «кровли» разместились по степи целым городком.

— Ну, как вам нравится наша чортова дыра?—спрашивают работники группкома, трактористы, агрономы, директор.

— Самое главное, товарищ,—говорит тракторист,—что это все-таки жизнь. Тут до нас была подлинно чортова дыра.

Бесчисленные войлочные юрты оседающих кочевых колхозов, бесчисленные стада верблюдов жмутся к совхозу. Они, словно из небытия, возникают из необозримой степной глади, увенчанной синим исполинским курганом, представляющим собой громаду бывшей крепости. Четыре таких крепости, четыре кургана—два из них в районе совхоза, один под Чардарой-городом, другой где-то дальше в степи—во времена тимуридов и бухарских ханов замыкали собой вход в Голодную степь, сторожили от беспокойных орд широкие ворота на Бухару и Самарканд.

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана видим мы поднесь.

Впрочем, хотя крови лилось достаточно, жизнь здесь никогда, как следует, не бушевала, она еще только будет бушевать.

Теперь здесь возводится иная крепость, иная твердыня, оберегающая хлопковую независимость СССР от иностранцев. Синий курган стал измерительной высотой геодезистов. Только теперь можно понять, какою значительной командной точкой был он в свое время. От наблюдателя не могли укрыться ни одно движение орды, ни одна фигура кочевника; ни одна птица не пролетела бы незамеченной мимо Сыр-Дарьи и Кызыл-Кума. Наискосок «врагу» пересекли бы дорогу люди из крепости, далекие огни перемигнулись бы с кургана на курган воинственными тревожными сигналами. Окрестность—идеально ровная скатерть, некуда ускользнуть от погони. Этим обстоятельством пользуется совхоз при случае, если у него что-либо воровуют:

— Тут куда ни кинься, мы всюду хозяева. Живо накроем,—говорит старший агроном.

На плоском просторе копошатся люди, насыпают дамбы. Ползают черными жуками тракторы. Виден дымок второго совхозского участка. Стелется внизу главный хутор. Под самым боком участка—за арыком, в сердце совхоза,—нагромождены барханы, пески. Надо бы их засадить сосной.

— Не беспокойтесь, там скоро будет сад,—утешают меня.

И вся эта гладь будет принадлежать хлопку! Через несколько лет и не узнать равнины: равные прямоугольники арыков обрастут деревьями, пирамидальными тополями, между ними будут стлаться поля люцерны и хлопчатника.

Новый «батырь»—богатырь—встает в степи на смену легендарным, отжившим. Здесь многоликое коллективное разнообразие сольется в один производственный организм, не уступающий ближайшему «острову хлопка» Пахта-Аралу. Здесь будут такие же, как в Пахта-Арале, прямые улицы, белые, кубические наросты оштукатуренных домов, зажурчат арыки, зашумят деревья. Еще один оазис прибавится в Голодной степи и впитает в себя сильных людей новой породы, энтузиастов труда. Этих не испугаешь горячими сухими ветрами, жарким соседством пустыни.

Сейчас Чардару еще мало знают и потому

мало сюда идут. Те 800 человек, что были на весну 1931 г., не заменяли собой нужных 1 328 рабочих единиц. Технический персонал, совслужащие казались заспанными, апатичными, вялыми: трудно заманить в далекий степной совхоз дельных работников.

— Ехать в Чардару? Да что вы! Поселиться у песков и не иметь сносных условий, ведь с жильем у них скверно, тесно. Ехать к чорту на кулички—благодарю покорно!

Но те, что поселились тут, становятся патриотами Чардары. Тяжело пережить только первый момент, потом неблагоприятное впечатление рассеивается, и даже взгляды самых заспанных служащих светлеют.

— Да, конечно,—с легкой усмешкой говорят они,—у нас еще нет ни больницы, ни одного медицинского работника, нет даже клуба, школы, бани. Но зато у нас есть прекрасная колодезная вода, а это уже редкость в здешних местах. Это—находка!

В землянках убого, тесно. На воздухе летом жарко, не разляжешься, зелени нет, зато—пауков, скорпионов хватает. Но все мирится с теснотой, сознавая, что это—временно, на несколько месяцев, ну, на год, а потом все изменится, и будет так же, как в Пахта-Арале.

Пахта-Арал отсюда кажется столицей, он живет на широкую ногу, полною жизнью, при электричестве, телефоне, автомобилях. Под благовонными акациями и адамовым деревом гнездятся дома, клубы, конюшни. Там культурные развлечения, своя газета, настоящая, типографская, однодневная, «покрыла» Чардару. Досталось директору за то, что он принял людей «с бору да с сосенки», допустил безобразия с пахотой, агрономам за то, что они пересушили землю. Пахта-Арал взял Чардару на общественный буксир, послал туда под руководством т. Орлова, своего бывшего директора, врачей, ударников, водных специалистов—гидро-техников, агрономов, да еще грузовик на время посевной. Крупный совхоз не может безразлично относиться к своему меньшему брату. Он подает ему руку: «Ты еще слаб, я тебе помогу! Держись. Я хочу тебя дотянуть до себя».

И Чардара держится. «Страна должна знать своих героев»: совхоз Чардара—многоликий коллективный герой, отстаивающий свое право на жизнь по соседству с пустыней.

В кромешную тьму выхожу из землянки. Чардара спрятана в черную южную ночь. Я протягиваю руки, обшариваю темноту и,

несмотря на то, что глаза мои широко раскрыты, все-таки спотыкаясь обо что-то, падаю.

Из самой пропасти ночи высокий девичий голос, один на весь хутор, поет частушку.

Складываю ладони рупором и кричу:

— Ау, где бы тут отыскать дирекцию?

Ни звука. Даже песня замолкла. Только в поле стрекочут «интеры». Сквозь тьму различаю перекрестные блуждающие огни. Бодрствуют часовые совхоза с фонарями «летучая мышь» в руках. Такие же фонари покачиваются на носках тракторов. Всю ночь будут разъезжать по полю эти светляки, всю ночь будут напоминать, что здесь поселились какие-то беспокойные существа, круглые сутки не знающие ни сна, ни отдыха.

Слышу из мрака голос:

— Заходите на огонек!

Подслеповатая, тусклая лампа служит мне маяком. Вот земляные ступени помещения дирекции, землянка самая убогая во всем хуторе. Сырость, пахнет грибами.

Две комнаты заняты конторой, рядом касса. На неровном глиняном полу утверждены официальные стулья, столы, над столами согнулись люди, выверяют гидромодуль воды и последние сводки с места пахоты. Директор, агрономы, гидротехники, общественники. Люди здесь не спят. Прибывают и отбывают механики, старшие агрономы, поливщики, получают задания, держат связь. Уходят в темноту, возвращаются, снова уходят. А где-то гудят тракторы, где-то дисковые бороны взрывают землю. Штаб руководит операциями. Надо все предусмотреть.

Только что прибыл караван верблюдов.

— Принять.

В живописных малахях, в азиатской обуви, терпеливо стоят погонщики-казаки. Они каменно-неподвижны. На лицах восточная невозмутимость. Заведующий хозяйством злится, даже рифмуется:

— Я ему покажу, этому экспедитору из Сыр-Дарьи! Я ему покажу, как не давать фуражу!

Старший агроном возмущен вестями, что на р. Сыр-Дарье обвалился берег и проглотил лодку с грузом, что катер с горячим еще не явился.

Директор и старший агроном живут в самой «комфортабельной» комнате, но эта комната, обитая холстом, мало похожа на жилое помещение. Скорее здесь — склад бумаги, чертежей, мешков, лопат. Две кровати возвышаются над всем этим хаосом. Стол завален сводками, обедами пищи и небран-

ной посудой. Над кроватями грустно, в отставке висят охотничьи ружья. За холстом шебаршат насекомые...

Утром — тревога: посевной фронт и фронт пахоты, по донесениям агротехников, под ударом. Трактористы в ожидании дождя всю ночь пахали сухую пыль, на самом засушенном участке, на втором. Ожидаемый дождь не выпал и перепутал стратегические выкладки агрономов.

Агроном тов. Волков нервничает.

— Что-нибудь очень серьезное? — спрашиваю.

— Да, как же, — бормочет он, — надел дали, а промывки не было! Вспахали, а соль вышла, да еще глауберова. Что у вас тут делается! — с отчаянием восклицает он. — Пересушили землю!

— Все неувязки, — обращается он ко мне, поблескивая пенсне на сухом ястребином лице. — Срывает у нас пахоту небесная канцелярия! Я всегда говорил, что будущность Чардары зависит от ирригационных сооружений. Это — урок! Не будем больше надеяться на дождь.

Он и другой агроном рассматривают совхозский план и чертят карандашом, какие деланки пахать и какие не пахать. Как истые стратеги, они принимают спешное, чисто фронтное решение. Раз не вышло так, выйдет по-иному. Они прибегают к исключительным мерам, согласовывая их с директором, партией, рабочей общественностью. Шум, гвалт, крики.

— Что говорит барометр?

— Барометр врет.

— Раз ирригационная сеть не готова, бросим к чортовой матери пахать на втором участке!

— Правильно!

— Перебросим весь тракторный отряд на поливные земли, либо на земли из-под гребенчука. Там влажно.

Новые спешные приказы посыпались в первую цепь. Тракторы меняют линию боя и переходят фалангой, цепью, в контр-атаку на новое место. Два-три из них случайно зацепляют зубьями ощерившихся колес-мастодонтов мост на арыке и застревают там. Два трактора вышли из строя. Снова скачут вестовые к взбешенному полководцу.

— Вытащить! — приказывает полководцу: — В два счета! Зубами!

Тяжелая артиллерия совхоза исчисляется в 34 трактора. Но уже пять инвалидов свезли с поля, пять отправили на поправку в ремонтно-механический госпиталь.

Чардара просит подкрепления. Уже не хватает боевых запасов—горючего. Шесть тракторов недодано по плану. Загнан в доску потный примчавшийся автомобиль.

В нужную минуту помог сосед Пахта-Арал. Будет горючее, будут семена, люди. Пусть слесаря, тракторные механики лечат металлических бойцов, пусть седлают их и снова, снова неустрашимо ведут в бой! Машина не устанет, если ею управляет опытная рука и разумная воля.

Далеко-далеко в поле цветут разноцветные маки платков и юбок: женщины атакуют гребенчук. А в глубоких «саях» (логах) стыдливо прячутся, горят настоящие полевые маки и тюльпаны. В русле высохшей речонки или, может быть, древнего канала, по высохшему дну струится бархатная сочная трава.

— Надо косить!—говорит агроном, проезжая логом.—Дивная трава под боком, завтра же вышлю косилки!

Сай служит пастбищем и дорогой в объезд полями. Но рысью пускаться опасно, встречаются колодцы, заросшие еще, быть может, со времен Тимура.

Упрямая работа кипит над саями. Мощный трактор умышленно правит на жалкий кустик и, сковырнув его плугом, выворачивает бревно, извивающееся в корчах. Кто бы мог подумать, что у такой «карлы» в два-три прутика, да еще в колючках, в основе лежит краж! Корень у гребенчука узловат и ползуч, влору под столетнее дерево, а сам-то он—пучок розог. Гребенчук воюет со здешним засушливым климатом, сосет корневищем влагу из больших глубин.

Там, где он редок, корчевку производят прямо плугом, однолемешным, громадным, как вал морской. Забирает этот «мак-кормик-диринг» (имя плуга) под себя корневище и разрезает его пополам, с хрустом. Плуга такой же силы я еще не видывал. Блестит он как зеркало. Когда идешь за таким лемехом, содрогаешься, видя, как он подымает пласт, которым можно захлестнуть лошадь или козову, оставляет после себя траншею, ров. А когда ходят тракторы, гуськом, но каждый с новой борозды, по диагонали,—за ними пенится черным наваром густая, осыпающаяся волна земли.

— Вот они наши американские-то кукурузники! Из Канады!—похваляются главки.

Да, режут славно! За бороздами вьется воронье, тучами реют пташки. Из-под самого плуга они выхватывают личинок, жуков, червей,—знак, что почва богата перегноем. Она

ласкает глаз. Агрономы, трактористы, полевод щупают, нюхают жирные комья увлажненной рассыпчатой пахоты—и глаза их подергиваются туманной пленкой.

— Ай да земляца! Вот, земляца!—восклицают они.—Вся бы такая!

Женщины оттаскивают корневища и складывают их в кучу: будут дрова, не хуже чем из саксаула. Поодаль уже целая армия людей заносит над головами кетмени—корчует сплошные заросли кустарника.

Трактористы, чумазные как негры, весело скалят зубы, некоторые из них только недавно пересели с родового седла кочевника на удобное сиденье трактора. Они бороздят ту самую степь, которую их прадеды топтали конями. Но из-под копыт коня лишь изредка мелькали комья грязи, после трактора не остается и травы—все заволакивается черным облаком свежее поднятой земли.

Гребенчук селится к тугаям, заболоченным местам. Чем дальше от Сыр-Дарьи, тем суше земля. Она вся в трещинах, просит пить, но водное хозяйство Чардары еще не пустило по каналам воды. Где-то у самых песков, красных, тлеющих у горизонта, круто обрывается недостроенный магистральный канал. Вокруг—словно вся Голодная степь съехала на ярмарку. Нигде нет такого оживления, такого кипящего человеческого муравейника, как при земляных работах, будь то железнодорожная насыпь или магистральный канал. А тут еще примешалась национальная пестрота: русские, казаки, узбеки. Юрты всюду, куда глаз хватит,—юрты, похожие на стога сена. Глухой рокот человеческого моря слышен отовсюду. В этот рокот вторгается отдаленное стрекотанье тракторов, но преобладающей нотой являются скрипучий, жалобный стон колодезных журавлей и скорбный плач верблюдов.

Всюду виднеется дымок. Путаясь в долгопых извивающихся платях, идут стройные казачки с кувшинами на головах. Иные уже сорвали свои традиционные пятиметровые тюрманы, стелющиеся до пят, и делают из них простыни.

Казакский быт оздоравливается. Из юрт изгоняются ранее гнездившиеся там сифилис, тьма, невежество, губящие красоту, молодость. В кибитках моются руки, дезинфицируется посуда, возникают лечебные пункты.

Казаки—прирожденные степняки—идут на земляные работы, впервые орудут плугом, кетменем, лопатой, садятся на трактор. Есть о чем поплакаться верблюдам да убежавшим баям и муллам! Совхоз переделывает степь.

От опыта Чардары зависит дальнейшее продвижение американских уландов—сортов хлопчатника—на север Казакстана до Казыменска. Тракторы уже застрекотали на обширных целинных землях, поднимаемых впервые за всю историю человечества. Если здесь когда-нибудь прежде и жили люди, то они не знали ничего, кроме кетменя и варварского омача.

Из степи уходят последние сорняки—бай и чалмоносный мулла, степь очищается, становится проводником социализма в глубь Азии. Разбредаются в разные стороны потревоженные пугливые джейраны-косули. Скорпионы и фаланги—вековые обитатели степи—последним усилием жалят новоприбывших людей, но остановить движение уже ничто не в силах.

ОСЕДАЮТ КОЧЕВНИКИ

АДАЛИС

Когда не оставалось травы для скота, они разбирали свою жизнь на простейшие элементы, погружали ее на верблюдов и везли на другое место; элементами их жизни были—длинные палки, котлы, войлок из козьей шерсти, дети, женщины и злоба. Эта злоба казалась беспредметной: «интеллигентные» народы называют ее желтой враждой, желтой опасностью; истлели десятки поколений, прежде чем мы распознали в том, что казалось бесслышной яростью нищих—лицо классовой ненависти.

Их было четыре племени и множество родов; их дом был велик—от Аральского моря до Китая, от Северного Закаспия до Ак-Молла. Себя они считали, разумеется, добропорядочными, хорошо устроенными, солидными людьми, а царские полки, по их мнению, кочевали по Казакстану, как шайки ночных воров. Русские уводили скот, женщин. Колонизаторам казалось иное: они видели толпы нищих, бессильных, больных, с гнусавыми голосами, с жадными пальцами.

Как и в Российской империи, правителями казаков были случайные, полусумасшедшие люди, достаточно наглые и жестокие для того, чтобы стойко бороться за накопление. Общественный уклад был—и остался пока еще—родовым. Почет принадлежал «патриарху»—родоначальнику. Его внуки, правнуки становились баями, кулаками; кулаки множились, приобретали уверенность класса и тот благожелательный покой в лице, который от-

личает богача от тех, кого он ограбил. Дореволюционный Казакстан—страна, где власть неприкрыто принадлежала скотовладельцам-кулакам.

Кулаки могли позволить себе роскошь—делать скот рабочей силой и выбирать пастбища пожирней; кулаки обладали временем, памятью, свободой; иногда они случайно оседали на понравившихся участках, и с ними оседали стайками те, кто не имел почти ничего...

Никто не думал, что земля уже собственность русских. А между тем в горных долинах появились деревни переселенцев, окутанные фруктовыми садами, пыльные офицерские и чиновничьи городки. По пухлым дорогам из городка в городок потянуло купеческой вонью. Мучнистые жирные барыньки, в гипюровых блузках и митенках, научились плевать вишневыми косточками в широкоскулое и косоглазое лицо...

В глубине страны обо всем этом еще не знали, но казаки стали замечать, что скот тощает и количество его уменьшается. Стада утекали между пальцев и уносились ветром, как песок. Молоко скудело, делалось соленым. Овцы, кобылицы, женщины не могли прокормить народ и детей. Кочевники металась в поисках лучших стойбищ и пастбищ, вклинивались племенем в племя, родом в род.

По встречным путям пошли сифилис и скоротечная чахотка. Быт обратился в сплошную драму.

Трехлетний ребенок, Гельды Джамгиров, подымает от игры в навозе черные глаза смертника—в них то, что называется у поэтов «великой печалью поколений»: трахома, несварение желудка, страх перед капризами природы, худосочие, любовь к теплему молоку, одиночество среди вечной смены пустынных пространств...

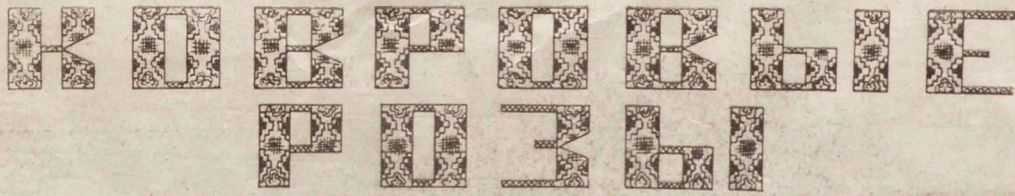
КРАСНАЯ НИВА

Павел Кузнецов

(Оригинальный рис. для „Красной Нивы“).

БУХАРА

Очерк
Б. Турганов

Никто не знает, откуда они, какой садовник впервые вырастил эти пышные густокрасные розы Туркестана.

В бедной и грубой земле кочевников, в бедных и грубых кибитках, раскинутых посреди пожелтевших солнцем песков, расцветают эти розы—великолепным узором на первобытном ткацком станке. Расцветают, чтобы после десятилетия жить—в глухом ли ауле, где не знают ничего о железных дорогах,—или в ослепительном палаце американского миллиардера.

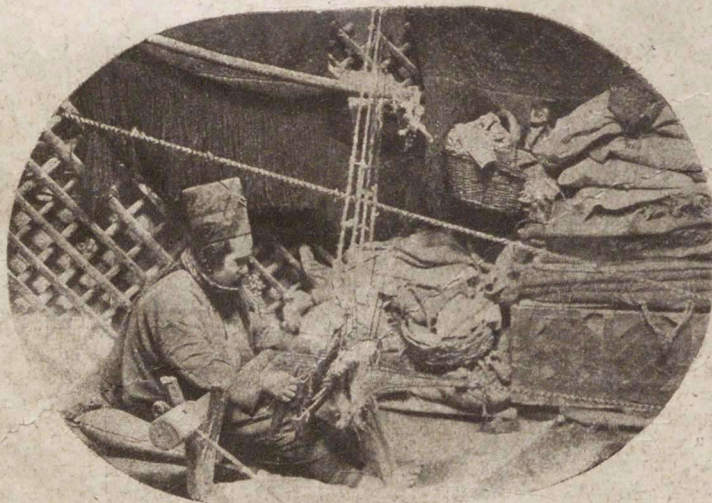
Эти туркменские ковры—чудесный образец искусства—приспособлены к народному быту; их назначение—служить для застилки пола кибитки, в качестве занавески у входной двери в нее, украшать кибитку внутри и т. д. Каждой из этих потребностей соответствует своя форма, свое название ковра. Однако до сих пор не установлено точно, откуда—из Китая ли, Персии ли—турский, скудный туркменский ковры заимствовал строгую, прямолинейную орнаментику своих ковров, заимствовал основную рисунок их, так называемую «розу»; эта роза («гуль» по-местному) в основе своей живой, реальный цветок, но геометрически стилизованный, в каждом ковре каждого племени переработанный по-своему. Не знают этого ученые-исследователи, не знают и сами ткачи,—

вернее—ткачихи, так как ковровое производство в Туркмении—дело исключительно женских рук.

сколько «роз» невеста знает. Одну розу—одна цена, две розы—другая. А если несколько—так и вовсе другая цена.

Работа над ковром—кропотлива и медлительна. Медлительна, как караваны, бредущие от колодца к колодцу, как все люди в этой усиленной солнцем стране. Много времени уходит на подготовительные процессы: чесание шерсти, окраску ее. Для ковра берут самую лучшую белую шерсть: гюргенскую или атрекскую. Пряжу окрашивают от трех месяцев и до года.

Текинский ковер насчитывает всего девять расцветок. Основные два цвета—белый и темно-красный, затем употребительны синий, желтый, черный, зеленый, очень редко коричневый фон. Краски—исключительно растительные—привозят из Индии, Персии и Бухары. Растительные краски не выцветают. Наоборот,—от времени приобретают еще больший блеск и в этой их

Туркменки за работой

«Женщина, которая не умест ткачь ковра,—не должна есть»,—говорит текинская поговорка. Текинка-девушка задолго до замужества начинает ткачь свое приданое. При этом, чем лучше владеет она ковровым делом, тем лучшая она невеста. В Туркмении жеи покупают и сейчас. И продажная цена невесты—в прямой зависимости от того,—сколько ковровых узоров,

устойчивости—залог ценности туркменского ковра.

Секреты приготовления красок ковровщицы ревниво оберегают и передают их от матери к дочери,—вместе с прочими правилами коврового производства. Цветение ковровых роз—хрупкое цветение. Достаточно одного поколения туркменок, не знающего ткацкого искусства—и о

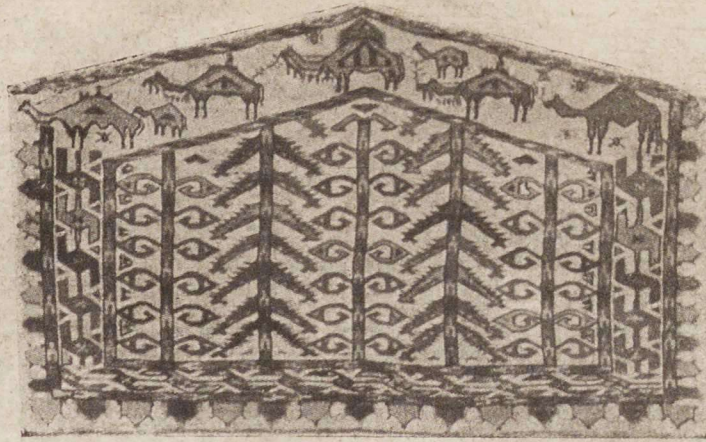
туркменских коврах остаются только в работе: рисунок ткется на память, без всяких образцов, только по счету узлов. И это на площади 4—4½ кв. метра!

Ткацкий станок, на котором ткется ковры, более чем прост. Четыре вбитые в землю кола определяют площадь будущего ковра. За колья закладывают две толстые палки и на них натягивают нити для основы ковра, примазав их глиной, чтобы не сдвигались. Каждая нитка ворса обвязывается вокруг основы и обрезывается ножом. После каждого ряда ниток ворса через основу продевают поперечную нитку и забивают железной гребенкой. Каждая треть дюйма ворса выравнивается и подстригается железными же ножницами.

Так ткется туркменский ковер. Если прибавить, что всю работу ткачиха должна проделать, сидя на земле и согнувшись над станком, — не удивительно, что лучшая работница в неделю вырабатывает не более полутора квадр. аршина и что работа над ковром чуть покрупнее уже затягивается на полгода и больше.

Оплата же этой работы — мала до смешного: в итоге на рабочий день приходится «отгуз копик» (30 коп.), в лучшем случае «ярым-манат» (полтинник). При всем этом ковровщицы проявляют огромный навык

в работе: рисунок ткется на память, без всяких образцов, только по счету узлов. И это на площади 4—4½ кв. метра!

Ямутский ковер-мешок

Ковры прочно вошли в быт туркмена. Для туркмена ковер — не роскошь, а просто необходимая принадлежность хозяйства. Внутри кибитки — мебель отсутствует. И вот ковер заменяет все: пол, шкаф, дорожный мешок, дверь. Даже для молитвы (намаза) существует специальный коврик — «намазлык»

Отдельные роды туркмен сохраняют свой рисунок ковра. Древнейший рисунок — «Салор-Гюль» (Салорская роза) — текинцев мервского округа. Затем — ахальский, эрсаринский и помудский рисунки. Каждый рисунок имеет многочисленные варианты. Всего насчитывается не менее 20 вариантов роз.

Лучший сорт ковров — пендинские (из оазиса Пенда, вблизи Афганской границы), — темные, почти черные, с шелковистым отливом, безукоризненно строгого рисунка. Пенда не дает плохих ковров, потому что там не работают плохо, не умеют плохо работать.

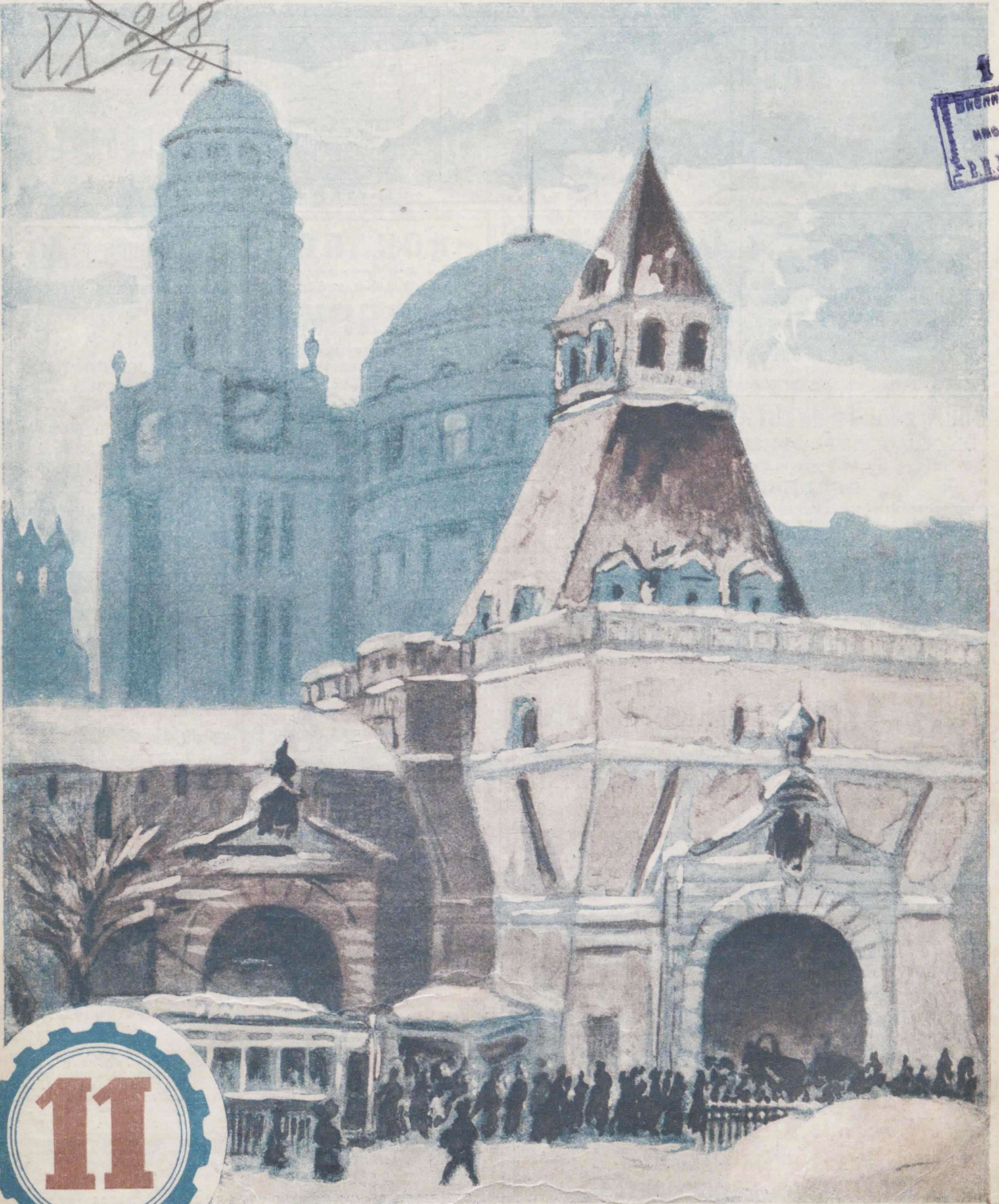
Ковровое производство в Туркмении падает. Понижается качество выработки, растительные краски подменяются анилиновыми, ухудшаются полуфабрикаты. Понижается количество выработки — на рынке сбыта нет заготовительных средств.

За последнее время, впрочем, в связи с пробуждением интереса к судьбе художественной промышленности СССР, у нас начинают думать и над вопросом о сохранении чудесного коврового промысла Туркестана.

Туркменки-ковровщицы у своей кибитки

КРАСНАЯ НИВА

МОСКВА. ИЛЬИНСКИЕ ВОРОТА

(Ориг. рис. для «Красной Нивы» Ив. Павлова).

КРАСНАЯ НИВА

№ 11—14 марта 1926 г.

Четвертый год издания.

Туркмения

Адалис

Дым ония, запах оседлых отцов.
Лягушечьей сырости липкие узы.
Гнусавое ржанье текинских певцов.
Нелые жесты полей джугары-кукурузы,

И легкие пугала в позе туземной чумы.
Сама джугара угловата, как желтая нежить,
Но ветер, что давеча встретили мы,
Привык ее ноги опасливо нежить.

От тюркских восстаний остались сырые пары,
От русской возни николаевские аванпосты,
Но ветер читает историю грубой игры
По линиям бед на голодных руках джугары.

Поль 1925 г.
Аул Багир.

Не бойся, читатель, мохнатых, туркменских собак,
Последуй за мной по курчавым границам аниса.
По робости розовый воздух иссияк
Над крепостью древнего города Нисса.

Здесь пели хаджи, здесь буйствовал хор,
Здесь бились о скалы громадные войны,
Здесь волны садов отступили от гор
И вымер на воле народ беспокойный.

Молод я Туркмения. Пионеры.

Библиотека
1

КРАСНАЯ НИВА-30

ВАСИЛИЙ БЕЛЯЕВ. На острове Колгуеве.

Издание «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1930 г.

Сталинабад. Ленинская улица в 1926 году

Сталинабад. Ленинская улица в 1929 году

ТАДЖИКИСТАН — седьмая — младшая — Советская республика, самостоятельно входящая в СССР, — по существу говоря, никогда не была императорской русской колонией: хуже — Таджикистан был колонией Бухарского эмирата, называвшейся до 1924 года Восточной Бухарой.

И эта страна семь — восемь лет тому назад являла собою заживо оставшееся на земном шаре средневековье восьмого — одиннадцатого веков Европы, с феодальной властью беков и магметанских, на манер католических, епископов — ишанов, которые посылались бухарским эмиром «на кормление» и жили в замках, — с угнетеннейшим и бесправнейшим народом, жившим бронзовым веком на скалах гор и в джунглях речных долин, руками пахавшим землю, руками ткавшим одежду, руками вываривавшим железо, руками добывавшим кожу, — ползавшим по горам, где целые горные страны — Дарваз (перевод: «страна канатоходцев, людей, умеющих ходить по канатам») — назывались фокусническими названиями в честь их дорог.

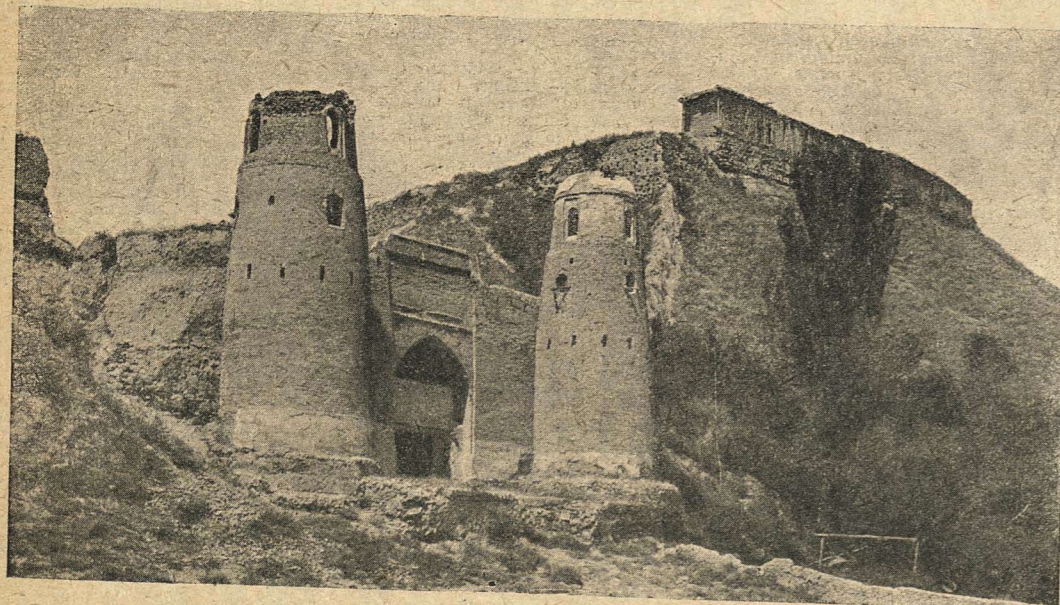
И это средневековье, рука об руку с англо-индусскими слонами сикхов (индусские войска), эмирскими слонами и энверовско-исламистскими шакадами — же-

стоичайше боролось за варварство. В 1920 году в Бухаре возникла народная Бухарская республика. Эмир Олим-хан бежал в средневековье, в Восточную Бухару. Эмир увел за собою средневековье и караваны с золотом и коврами. За эмиром шли революционные войска. Эмир отступал, оставляя за собою меч и пепел.

Эмир бежал из Таджикистана, прогнанный революцией.

Но вслед эмиру в Таджикистане появился Энвер-паша, муж дочери турецкого надшпаха, турецкий премьер, святой генерал. К Энверу перебежал, как бежали в средневековье, Усмил Хаджаев, председатель ЦИК Бухарской народной республики. К Энверу приехали турецкие генералы. Энвер оказался «последним Магометом». Энвер, в бреду пан-туркизма, объявил газават, священную войну против кафиров. Средневековье взяло свои мултуки (пшалаи, стреляющие при помощи фитиля). Город Дюшамбе (ныне столица Таджикистана — Сталинабад) был уничтожен Энвером. Город Гиссар, средневековая столица Восточной Бухары, в честь которого названы — гиссарскими — плодороднейшая долина и снеговой хребет вечных ледников, идущих с Памиров, — был уничтожен Энвером. В войсках Энвера были английские сикхи.

Энвер был убит 4 августа 1922 г. революционной пулей и

В'езд в Гиссар

бою, — по только в ноябре 1926 года был создан первый — учредительный — съезд Советов Таджикистана.

(Могила Энвера известна. На ней написано неграмотной рукой:

«Проклятие тебе, Энвер, проклятие тебе на веки, пусть твоя могила сгорит и твое тело съедят змеи и скорпионы, а душа твоя пойдет в самую гущу ада!»)

От эмира и Энвера остались: разбитые кишлаки и города, заброшенные поля и высушенные ирригационные сооружения. Многие кишлаки были стерты с лица земли. Города, имевшие тысячи жителей, остались с сотнями: Гиссар — столица — имел восемь тысяч жилых дворов и к моменту образования Таджикской республики в нем жило всего — на всего — семь семейств. Средневековье прошло с собою так, как оно могло и умело: разорением, насилием, кровью, огнем, пеплом.

2

Таджикистан — страна, количество европейцев в которой до революции насчитывалось десятками, страна, которую никто не знал, страна без дорог, — стра-

на одна из высочайших — высочайшая в мире, легшая на Памир, на Гиндукуш и хребет Академии Наук своими кишлаками: Горного Бадахшана, Язгулема, Ванча, — спускающаяся с Памиров ледниками горных хребтов — Гиссарского, Петра Первого, Дарвазского, — спускающаяся в долины Кафирнигана, Вахша, Пянджа — Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи — нусть эти долины в километре над уровнем океана. Эта страна имеет субтропический климат, где растут хлещатник, рис, джунгут, гранаты, персики, финики и грецкие орехи, — но эта же страна имеет климат Новой Земли — на вершинах гор, тех гор, в которых сейчас находят каменную и золотую руды, нефть, гранаты — камни, серные и соляные, и железные залежи, — страна, в которой пять лет тому назад не было ни одного колеса, в долинах которой сейчас бороздят шоссе автомобили и тракторы — тягачи, а на ледниках перевалов, куда дороги еще не дошли, караваны ишаков везут — печные вышки и дверцы, оконное стекло, радиопринадлежности, медикаменты — цивилизацию, культуру, советскую власть.

Таджикистан — страна, которая десять, семь, пять лет тому назад пребывала в жесточайшем средневековье.

3

И ныне Таджикистан — советский, социалистический Клондайк.

Поистине Клондайк! — Клондайк: быта и темпов, Клондайк: строительства. В эту страну, где пять

Первый поезд в Сталинабаде

лет тому назад не было ни одного колеса, до Сталинабада и дальше в горы до Янги-Базара проведена железная дорога. Над этой страной, связывая ее с Самаркандом и Ташкентом, а через них и с Москвою, связывая

ее с Кабулом, а через Кабул с Индией, летают самолеты — в Сталинабад, в Куляб, в Гарм. Авиничи — мосты через горные реки, переправа на турсуках — это те пути сообщения, которые фотографии передают лучше, чем слова: сейчас от Сталинабада идут (и гудронируются, и уже разбиты, и их уже не хватает) дороги, проложенные динамитом для автомобилей и тракторов, — на Куляб, на Курган-Тюбе, на Гарм (под Памир, дорога доведена до Оби-Гарма, в будущем году будет в Гарме, где сейчас нет ни одного колеса и хлеб с полей свозят на разнообразности саней), на Ташкент (через Варзобское ущелье, через Гиссарский хребет вечных снегов, рядом с тропинкой Александра Македонского, состоящей из аврингов), — таких дорог я могу считать еще с полдюжины. Таджикистан связан телеграфом и радио (тут к слову и в утешение наркомпочтелю надо сказать, что наркомпочтель в Таджикистане работает из рук вон плохо: письма идут там десятками километров месяцами, телеграммы — молнии сотню километров прямого провода идут по три дня, — и понятно, как это делается, потому что в районном городе Тавиль-Дара один единственный телефонно-телеграфист — медицинский фельдшер, фельдшер этот служит и телеграфу, и здравоохранению, — когда он лечит, телеграф молчит, — когда болтует телеграф, молчит медицина), — но телеграфные столбы лезут на Памиры,

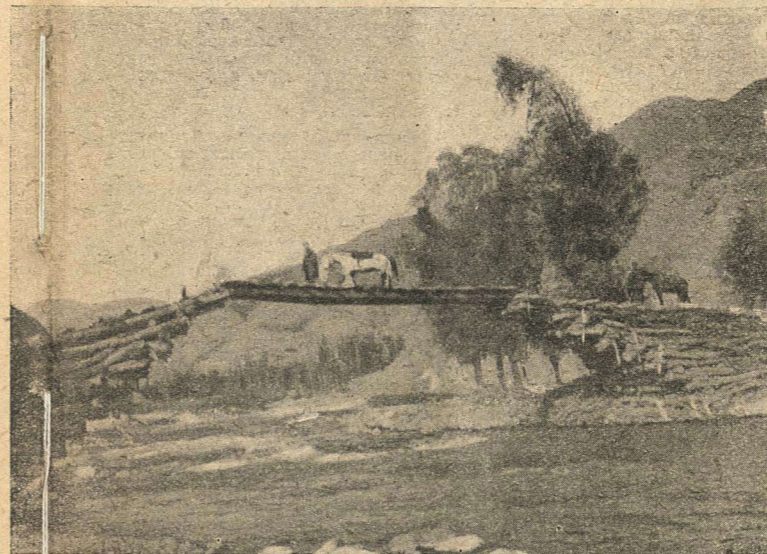
на обрывы Пянджа и афганских границ. Несмотря на телефельдшера по всей стране строятся больницы, школы, в горах идут изыскания, по горам лезут научные экспедиции, — а в долинах —

— а в долинах: позвольте мне заверить моим свидетельством, что нигде в РСФСР-ских долинах я не видел такого количества тракторов и пшеницы от автомобилей! — в долинах командует хлопок, в Гиссарской долине, в Курган-Тюбинской, в Сарай-Комарской, в Кулябской, — невообразимые просторы хлопчатниковых плантаций, везде, где терпится глаз идут ряды хлопчатника совхозов (в роде Вахшского), районов сплошной коллективизации (в роде Пахт-Арала). Хлопок командует этими долинами. Ради его изучения строятся опытные станции. Ради его орошения перестраиваются разрушенные ирригационные сооружения и строятся новые, не только для новых сотен га, но и для десятков тысяч. Ради хлопка идут тысячи рабочих. Ради хлопка пыхтят тракторы. Ради хлопка во всех (во всех без исключения!) районных центрах строятся (и построены уже) хлопкоочистительные заводы. — Хлопок! — ради хлопка! — из-за хлопка!

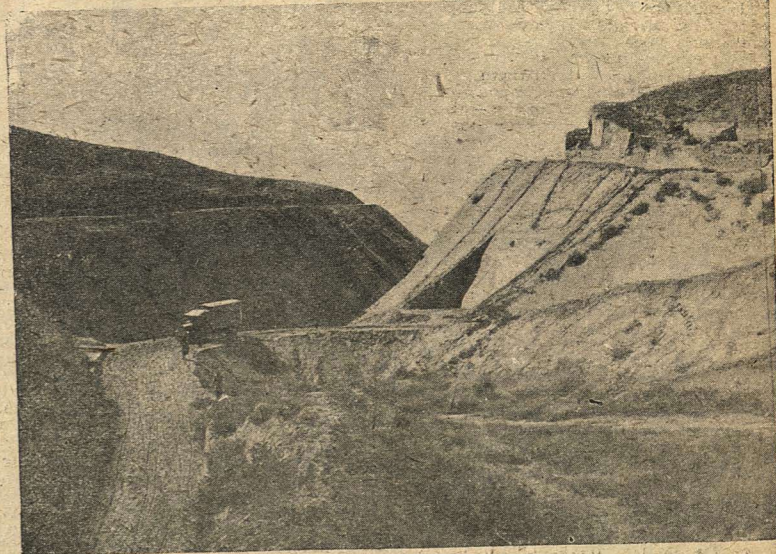
В Таджикистане, где пять лет тому назад было средневековье и не было ни одной школы (обучали муллы), сейчас в каждом кишлаке есть училища и есть вузы и вузы.

Сталинабад. Площадь Фрунзе в 1929 году

Мост через Варзобе

Новая автомобильная дорога